

Роман «Горничная» вошел в первую десятку
лучших книг 2022 года по версии «NetGalley»!

ГОРНИЧНАЯ

Очаровательно,
необычно!

The New York Times

Тайна убийства
в стиле
Агаты Кристи.
deadline.com

НИТА ПРОУЗ

Нита Проуз

Горничная

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67439310

*Горничная: роман / Нита Проуз ; пер. с англ. И. Тетериной: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21084-4*

Аннотация

Молли Грей никогда в жизни не видела своих родителей. Воспитанная любящей и мудрой бабушкой, она работает горничной в отеле и считает это своим призванием, ведь наводить чистоту и порядок – ее подлинная страсть! А вот отношения с людьми у нее не слишком ладятся, поскольку Молли с детства была не такой, как все. Коллеги считают ее более чем странной, и у них есть на то основания. Так что в свои двадцать пять Молли одинока и в свободное от работы время то смотрит детективные сериалы, то собирает головоломки... Однако вскоре ее собственная жизнь превращается в детектив, в котором ей отведена роль главной подозреваемой, – убит постоялец отеля, богатый и могущественный мистер Блэк. Теперь Молли предстоит решить исключительно важную головоломку или закончить свои дни в тюрьме...

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	6
Понедельник	8
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	57
Глава 4	63
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Нита Проуз

Горничная

Посвящается Джеки

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Nita Prose

THE MAID

Copyright © 2022 by Nita Prose

This edition published by arrangement with Madeleine
Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

© И. А. Тетерина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Пролог

Я – ваша горничная. Я та, кто прибирает ваш номер в отеле, кто появляется в нем как призрак, пока вы шатаетесь где-то весь день, нимало не задумываясь о том, что вы оставили после себя – порядок или разгром – и что я могу увидеть в ваше отсутствие.

Я та, кто выносит ваш мусор, выбрасывая чеки, которые ни в коем случае не должны попасться никому на глаза. Я та, кто меняет ваше постельное белье и видит, спали ли вы на нем прошлой ночью, а если спали, то в одиночестве или нет. Я та, кто аккуратно расставляет у двери вашу обувь, кто взбивает ваши подушки и снимает с них случайные волосы. Ваши? Навряд ли. Я та, кто приводит ваш туалет в порядок после того, как вы, перебрав с алкоголем, заляпываете сиденье унитаза, а то и что-нибудь похуже.

Когда я заканчиваю свою работу, ваш номер сияет первозданной чистотой. Ваша кровать идеально застелена, ваши четыре подушки взбиты, как будто никто никогда там не лежал. Пыль и грязь, которые вы оставили после себя, отправлены пылесосом в небытие. В ваших сверкающих зеркалах отражается ваше невинное лицо. Словно вас никогда здесь и не было. Словно вся ваша грязь, все ваше вранье и ваши неприглядные делишки больше не считаются.

Я – ваша горничная. Я знаю о вас очень многое. А вот что

вы знаете обо мне?

Понедельник

Глава 1

Я прекрасно знаю, что мое имя звучит как недоразумение. Оно не было недоразумением до того, как я четыре года назад устроилась на эту работу. Я горничная в отеле «Риджен-си гранд», и меня зовут Молли. Горничная Молли¹. Смех да и только. До того, как я устроилась на эту работу, Молли было просто именем, которое дала мне моя непутевая мать, бросившая меня так давно, что у меня не сохранилось о ней ровным счетом никаких воспоминаний, лишь несколько фотографий да то, что рассказывала мне о ней бабушка. По словам бабушки, мама считала, что Молли – отличное имя для девочки, оно наводит на мысли о щечках-яблочках и трогательных хвостиках. Однако ни тем ни другим я похвастаться не могу. У меня прямые темные волосы, которые я стри-гу под строгое каре. Я разделяю волосы на пробор посере-дине – точно посередине головы. Волосы у меня всегда глад-ко причесаны и прилизаны. Люблю во всем простоту и ак-куратность.

¹ «Горничная Молли» – международная компания, специализирующаяся на оказании клининговых услуг. – *Здесь и далее примеч. перев.*

У меня выступающие скулы и бледная кожа, которой люди иногда поражаются – не знаю почему. Она такая же белая, как простыни, которые я целыми днями снимаю и стелю, снимаю и стелю в двадцати с лишним номерах, которые я убираю для высокочтимых гостей «Ридженси гранд», пятизвездочного бутик-отеля, который гордится своей «утонченной эlegantностью и безупречно вышколенным персоналом».

Никогда в жизни не думала, что буду занимать столь высокую должность в гранд-отеле. Я знаю, что многие думают иначе, что горничная – это ничтожество. По их мнению, все должны стремиться стать врачами, адвокатами, богатыми магнатами недвижимости. Но не я. Я так благодарна судьбе за свою работу, что каждый день щиплю себя, чтобы убедиться, что все это мне не приснилось. Честное слово. Особенно теперь, когда не стало бабушки. Без нее и дом не дом. Такое впечатление, что наша с ней маленькая квартирка стала черно-белой. Но стоит мне переступить порог «Ридженси гранд», как мир обретает кинематографическую красочность.

Когда я кладу руку на сияющие латунные перила и поднимаюсь по алым ступеням, ведущим в роскошный портик отеля, я превращаюсь в Дороти, вступающую в страну Оз. Я прохожу сквозь вращающиеся двери и вижу себя – ту, какая я есть на самом деле, – отраженную в сверкающем стекле: мои темные волосы и всегдашняя бледность никуда не дева-

ются, но на мои щеки возвращается румянец, ведь у меня снова есть *raison d'être*².

Преодолев двери лобби, я часто останавливаюсь, чтобы полюбоваться его великолепием. Оно никогда не утрачивает своего блеска. Не меркнет и не покрывается пылью. Не тускнеет и не выцветает. К счастью, оно всегда одинаковое, каждый день. Слева – стойка регистрации, облицованная мерцающим черным обсидианом, за которой сидят консьержи, похожие в своих элегантных черно-белых костюмах на пингвинов. А вот и само просторное лобби, имеющее форму подковы, с полами из дорогого итальянского мрамора, сияющими первозданной белизной, притягивающими взгляд, уводящими его вверх, все выше и выше, к галерее второго этажа, богато украшенной в стиле ар-деко, куда ведет парадная лестница с роскошной балюстрадой со столбиками в виде змей, удерживающих в латунных пастях золотые шары. Гости нередко останавливаются у перил, положив руки на сверкающий поручень и глядя на великолепную сцену внизу – носильщиков, снующих туда-сюда с тяжелыми чемоданами, гостей, отдыхающих в роскошных креслах, и парочек, воркующих друг с другом на изумрудно-зеленых диванчиках, чьи мягкие бархатные подушки безмолвно хранят не один секрет.

Но, пожалуй, что мне нравится в лобби больше всего – это ольфакторное ощущение, тот первый благоуханный вдох,

² Смысл жизни (*фр.*).

который я делаю, вбирая в себя запах отеля, когда переступаю порог перед каждой сменой, – неповторимая смесь тонких ароматов дамских духов, бархатистого мускуса кожаных кресел и терпкой нотки лимонной мастики, которой дважды в день натирают мраморные полы. Это дух отеля. Аромат самой жизни.

Каждый день, когда я прихожу на работу в «Ридженсигранд», я снова чувствую себя живой, частью ткани отеля, этой роскоши и буйства цвета. Я – неотъемлемая часть общего узора, яркий уникальный квадратик, вплетенный в этот гобелен.

Бабушка часто говорила: «Если ты любишь свою работу, ты никогда в жизни не будешь работать». И она была права. Каждый рабочий день для меня радость. Я создана для этой работы. Я люблю наводить чистоту, я люблю мою рабочую тележку, и я люблю мою униформу.

Ничто не сравнится с идеально укомплектованной тележкой горничной в начале смены. Она, по моему скромному мнению, являет собой апофеоз изобилия и красоты. Хрустящие маленькие упаковки деликатно завернутого мыла, пахнущего цветами апельсина, крохотные бутылочки шампуня «Крабтри энд Эвелин», плоские квадратные коробки с салфетками, рулоны туалетной бумаги, завернутые в полиэтиленовую пленку, белоснежные махровые полотенца трех размеров – банные, для рук и для лица, стопки салфеток для чайно-кофейного сервиза. И наконец, самое главное: набор

принадлежностей для уборки, в который входит метелочка из перьев – сметать пыль, лимонный полироль для мебели, ароматизированные антибактериальные мешки для мусора, а также внушительная батарея чистящих и дезинфицирующих средств – все это выстроилось в ряд и готово бороться с любым пятном, будь то кофейные круги, рвота – или даже кровь. Укомплектованная всем необходимым тележка – это передвижное санитарное чудо, машина чистоты на колесах. И, как я уже говорила, она прекрасна.

И моя униформа. Если бы мне пришлось выбирать между моей униформой и моей тележкой, думаю, я не смогла бы сделать выбор. Моя униформа – это моя свобода. Мой персональный плащ-невидимка. В «Ридженси гранд» ее ежедневно подвергают химчистке в прачечной, которая находится глубоко в сыром чреве отеля, чуть дальше по коридору за раздевалками для персонала. Каждый день, когда я прихожу на работу, униформа уже ждет меня на плечиках на дверце моего шкафчика. Она упакована в полиэтиленовый чехол с наклеенным на нем бумажным квадратиком, на котором черным маркером нацарапано мое имя. Какое счастье видеть ее там с утра – мою вторую кожу, чистую, продезинфицированную, свежевыглаженную, пахнущую одновременно свежей газетой, крытым бассейном и ничем. Новое начало. Все это словно стирает предыдущий день и все те дни, что были до него, тоже.

Когда я облачаюсь в свою униформу горничной – не в ста-

ромодное платье в духе «Аббатства Даунтон»³ и даже не в избитый костюм «заек» из «Плейбоя», а в ослепительно-белую крахмальную блузку и облегающую черную юбку-карандаш (сшитую из эластичной ткани для свободы движений), – я ощущаю свою целостность. Одетая для рабочего дня, я чувствую себя более уверенной, как будто знаю, что мне говорить и что делать – во всяком случае, большую часть времени. А когда я снимаю ее в конце смены, то ощущаю себя обнаженной, незащитной, лишенной целостности.

По правде говоря, в ситуациях, требующих взаимодействия с другими людьми, я нередко испытываю затруднения. Такое впечатление, что все играют в какую-то замысловатую игру со сложными правилами, которые хорошо им известны; я же каждый раз играю, как впервые. Я с пугающей регулярностью попадаю впросак, обижаю людей, желая сказать им комплимент, неверно истолковываю язык их тел, говорю не то и невпопад. Лишь благодаря бабушке я узнала, что улыбка вовсе не обязательно означает, что человек счастлив. Иногда люди улыбаются, когда они смеются над тобой. Или благодарят, когда на самом деле им хочется вlepить тебе оплеуху. Бабушка утверждала, что я понемногу стала понимать людей получше – «потихоньку, полегоньку, моя дорогая», – но теперь, когда ее не стало, я не справляюсь. Раньше я спешила домой с работы, чтобы распахнуть дверь нашей квар-

³ «Аббатство Даунтон» – английский телесериал (шесть сезонов), действие которого происходит с 1912 по 1926 год.

тирки и с порога задать ей вопросы, которые накопились у меня за день. «Я дома! Бабушка, а кетчупом в самом деле можно чистить латунь или лучше все-таки использовать для этого соль с уксусом? А правда, что некоторые люди пьют чай со сливками? Бабушка, а почему сегодня на работе меня называли Румбой?»

Но теперь, когда я открываю входную дверь, некому сказать мне: «Молли, милая, я сейчас все тебе объясню» и «Давай-ка я налью тебе чашечку чая, а потом отвечу на все твои вопросы». Теперь наша уютная двухкомнатная квартира кажется гулкой, пустой и безжизненной, как пещера. Или гроб. Или могила.

Я последний человек, которого приглашают на вечеринки, хотя я люблю вечеринки. Я не умею поддерживать разговор и то и дело норовлю что-нибудь ляпнуть, и очевидно, поэтому у меня нет друзей моего возраста. Честно говоря, это стопроцентная правда. У меня нет друзей моего возраста, да и друзей любого другого возраста тоже, если уж на то пошло.

Но на работе, облаченная в свою униформу, я сливаюсь со всеми остальными. Я становлюсь частью интерьера, как черно-белые полосатые обои, которыми оклеены многие коридоры и номера. Пока я не открываю рот, в своей униформе я неотличима от любой другой горничной. Вы могли бы увидеть меня на полицейском опознании и не узнать, даже если до этого проходили мимо меня по десять раз на дню.

Не так давно мне исполнилось двадцать пять лет, «четверть века», как не преминула бы заметить бабушка, если бы могла что-то мне сказать. Чего она, конечно, не может, поскольку она мертва.

Да, мертва. Почему нельзя называть вещи своими именами? Она не «угасла», как свеча на ветру. Она не «исчезла», как какой-то сладкий ветерок, щекочущий вереск. И не «ушла». Она умерла. Около девяти месяцев тому назад.

На следующий день после того, как она умерла, стояла прекрасная теплая погода, и я пришла на работу, как и всегда. Мистер Александр Сноу, управляющий, очень удивился, увидев меня. Он напоминает мне филина. Он носит очки в роговой оправе, которые выглядят на его широком лице слишком большими. Его редющие волосы зализаны со лба назад, так что по бокам видны залысины. В отеле его никто особо не любит. Как сказала бы бабушка, «не важно, что думают другие, важно, что думаешь ты». И я с этим согласна. Надо жить так, как подсказывает тебе твоя собственная совесть, а не следовать слепо за кем-то другим, как овца.

– Молли, что ты тут делаешь? – спросил мистер Сноу, когда я явилась на работу на следующий день после смерти бабушки. – Я очень соболезную твоему горю. Мистер Престон сообщил мне, что твоя бабушка вчера скончалась. Я уже вызвал тебе замену. Мне показалось, что ты возьмешь отгул.

– Мистер Сноу, почему вы так решили? Когда кажется, креститься надо.

Мистер Сноу посмотрел на меня с таким видом, как будто собирался оторгнуть мышь.

– Пожалуйста, прими мои соболезнования. Ты точно уверена, что не хочешь взять выходной?

– Это же моя бабушка умерла, а не я, – ответила я. – «Шоу должно продолжаться», сказала бы она.

Его глаза расширились, что, по-видимому, должно было обозначать шок. Никогда не пойму, почему правда шокирует людей больше, чем ложь.

И тем не менее мистер Сноу сдался:

– Как хочешь, Молли.

Через несколько минут я уже была внизу, в одной из комнат для переодевания прислуги, надевала униформу горничной, как я делаю каждый день, как я только что сделала сегодня утром, как сделаю и завтра, даже если кто-то – на этот раз не моя бабушка – сегодня умер. И не дома, а в отеле.

Да. Вы совершенно правильно меня поняли. Сегодня во время работы я нашла одного из гостей в постели мертвым. Это был мистер Блэк. Тот самый мистер Блэк. Если не считать этого, мой рабочий день ничем не отличался от любого другого.

Правда, любопытно, насколько одно-единственное сейсмическое событие способно изменить твои воспоминания о том, что произошло? Мои рабочие дни обычно сливаются один с другим, одна задача плавно перетекает в другую. Мусорные корзины, которые я опустошаю на четвертом эта-

же, превращаются в точно такие же мусорные корзины на третьем. Я могу поклясться, что убираю люкс 410, угловой номер с видом на западную сторону улицы, но на самом деле я нахожусь в другом конце отеля, в номере 430, угловом номере на восточной стороне, который представляет собой зеркальное отражение люкса 410. Но тут происходит нечто необычное – например, я обнаруживаю мистера Блэка в постели абсолютно мертвым, – и внезапно день кристаллизуется, мгновенно становясь из газообразного твердым. Каждый миг становится запоминающимся, неповторимым, совершенно не похожим на все предыдущие рабочие дни.

Это сейсмическое событие произошло сегодня, около трех часов дня, под конец моей смены. Я уже привела в порядок все закрепленные за мной номера, включая пентхаус Блэков на четвертом этаже, но мне понадобилось вернуться в номер, чтобы закончить уборку в их ванной.

Только, пожалуйста, не подумайте, что раз мне пришлось дважды убирать пентхаус Блэков, то я неорганизованная или работаю спустя рукава. Когда я убираю номер, я не пропускаю ни одного квадратного дюйма. Я оставляю его после себя безукоризненно чистым – без единой пылинки и единого пятнышка. «Чистоплотность сродни праведности», – любила повторять бабушка, и я полагаю, что этот принцип лучше многих. После моей уборки вы не найдете пыли в углах. Как и отпечатков пальцев, и грязных разводов.

Так что дело не в том, что я поленилась и решила не уби-

рать ванную Блэков, когда драила весь остальной номер в то утро, *отнюдь*. Напротив, во время моего первого визита ванная была занята. Жизель, нынешняя жена мистера Блэка, отправилась в душ практически сразу же после того, как я переступила порог их номера. И хотя она дала мне разрешение (назовем это так) привести в порядок весь остальной номер, пока она будет купаться, она пробыла в душе довольно долго, так долго, что сквозь щель под дверью ванной начал вырываться пар.

Мистер Чарльз Блэк и его вторая жена, Жизель Блэк, гости в «Ридженси гранд» давние и постоянные. В отеле их знает каждый, да и во всей стране тоже. Мистер Блэк останавливается – хотя теперь вернее будет сказать «останавливался» – у нас по меньшей мере на неделю каждый месяц, когда приезжал в город по делам, связанным со сделками с недвижимостью. Мистер Блэк – знаменитый импресарио, магнат, финансовый воротила. Вернее, был. Они с Жизелью нередко становились героями светской хроники. Его там, как правило, именовали записным сердцеедом в годах, хотя, разумеется, никаких сердец он не ел. Жизель же частенько описывали как «светскую львицу, покорившую его своей юностью и красотой».

Мне это описание казалось лестным, но, когда его прочла бабушка, она со мной не согласилась. Когда я спросила у нее почему, она сказала: «Читать нужно то, что написано между

строк, а не на них».

Мистер и миссис Блэк были женаты не так долго, что-то около двух лет. Нам в «Ридженси гранд» очень повезло, что эта достойная чета регулярно удостоивает наш отель своим присутствием. Это повышает наш престиж. Что, в свою очередь, означает больше гостей. Что, в свою очередь, означает, что у меня есть работа.

Однажды, немногим более двадцати трех месяцев тому назад, когда мы с бабушкой прогуливались по деловому центру, бабушка показала мне все здания, принадлежащие мистеру Блэку. Я и не подозревала, что он владеет доброй четвертью города, но увы, это так. Или, вернее, владел. Как выясняется, нельзя владеть недвижимостью, когда ты труп.

– «Ридженси гранд» ему не принадлежит, – как-то раз сказал о мистере Блэке мистер Сноу, когда мистер Блэк был еще вполне жив.

Свой комментарий мистер Сноу сопровождал странным негромким хмыканьем. Понятия не имею, что он хотел этим сказать. Одна из причин, по которым мне нравится вторая жена мистера Блэка, Жизель, – это то, что она все и всегда говорит мне прямым текстом. Словами.

Сегодня утром, когда я в первый раз вошла в пентхаус Блэков, я навела в нем идеальную чистоту – за исключением ванной, где была Жизель. Она была сама не своя. Когда я пришла, я заметила, что глаза у нее красные и припухшие. Аллергия? Или печаль? Жизель не стала медлить. Наоборот,

едва я пришла, она бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь.

Я не могла допустить, чтобы ее поведение помешало мне выполнить мои обязанности. Наоборот, я немедленно приступила к работе и решительно принялась за уборку. Когда номер был приведен в идеальный порядок, я остановилась перед запертой дверью ванной с коробкой салфеток и крикнула Жизели так, как учил меня мистер Сноу.

– Ваши комнаты снова в идеальном порядке! Я вернусь позднее, чтобы вымыть ванную!

– Хорошо! – отозвалась из-за двери Жизель. – Вовсе незачем так кричать! Господи боже мой!

Когда она наконец показалась из ванной, я протянула ей салфетку на тот случай, если у нее действительно аллергия или она расстроена. Я рассчитывала немного с ней поговорить, потому что она часто бывает настроена поболтать, но она быстро унеслась в спальню, чтобы одеться.

Тогда я вышла из номера и прошла весь четвертый этаж, комнату за комнатой. Я взбивала подушки и полировала позолоченные зеркала. Я оттирала от обоев и стен грязные разводы и пятна. Я собирала в тюки грязные простыни и влажные полотенца. Я дезинфицировала фаянсовые унитазы и раковины.

Убрав примерно половину номеров на этаже, я ненадолго прервалась, чтобы отвезти мою тележку в подвал, где выгрузила в прачечной два больших тяжелых тюка с грязным по-

стельным бельем и полотенцами. Несмотря на то что в подвале вечно нечем дышать, что лишь усугубляется режущим люминесцентным светом и очень низкими потолками, избавиться от этих тюков было огромным облегчением. Возвращаясь обратно по коридорам, я чувствовала себя неизмеримо лучше, пусть и успела слегка взмокнуть.

По пути я решила заглянуть на кухню к Хуану Мануэлю, мойщику посуды, и принялась петлять по запутанным переплетениям коридоров, привычно сворачивая в нужных местах – налево, направо, налево, направо – как смышленная дрессированная мышь в лабиринте. Едва я добралась до широких кухонных дверей и распахнула их, Хуан Мануэль немедленно бросил все свои дела и принес мне большой стакан холодной воды со льдом, который я с огромной благодарностью приняла.

Немного поболтав с Хуаном Мануэлем, я покинула его и отправилась в кастилянскую пополнить запас чистых полотенец и постельного белья. Затем я поднялась на второй этаж, где воздух был посвежее, и начала убирать номер за номером, причем на этот раз оказалось подозрительно мало чайных, одна мелочь, но об этом позже.

Когда я взглянула на часы, было около трех. Пора было возвращаться на четвертый этаж, чтобы вымыть ванную в номере мистера и миссис Блэк. Я остановилась перед дверью и прислушалась, пытаюсь понять, там они или нет. Я поступала, согласно протоколу.

– Уборка номеров! – произнесла я громким, но вежливо официальным голосом.

Нет ответа. Я достала свою главную карточку-ключ и вошла в их номер, волоча за собой тележку.

– Мистер и миссис Блэк? Могу я закончить уборку? Мне очень хотелось бы привести ваш номер в идеальный порядок!

Молчание. Очевидно, или мне так показалось, мужа и жены в номере не было. Тем лучше для меня. Я могла выполнить свою работу тщательно и без помех. Я позволила тяжелой двери закрыться за собой и обвела взглядом гостиную. Она выглядела не так, как несколько часов назад, когда я оставила ее чистой и прибранной. Впечатляющее – от пола до потолка – окно, выходящее на улицу, было задернуто шторами, по стеклянному столику в беспорядке были разбросаны несколько маленьких бутылочек шотландского виски из мини-бара, рядом с ними стоял полупустой массивный бокал и лежала нетронутая сигара. На полу валялась скомканная салфетка, а вмятина на диване обозначала то место, где ее продавил зад любителя виски. Желтая сумочка Жизели, которую я с утра заметила на бюро у входа, исчезла, что означало, что ее хозяйка отправилась бродить по городу.

Работа горничной никогда не кончается, подумала я про себя и, сняв подушку с дивана, энергично взбила ее, вернула на место и разгладила оставшиеся крохотные складочки на диванной обивке. Прежде чем заняться столом, я решила

проверить состояние других комнат. Было очень похоже на то, что мне придется убирать весь номер заново.

Первым делом я направилась в спальню, находившуюся в глубине номера. Дверь была открыта, и на полу прямо у двери валялся махровый отельный халат. С порога мне был виден шкаф в спальне. Одна его дверца была приоткрыта – ровно настолько же, как была, когда я уходила утром, потому что встроенный сейф внутри тоже был открыт и не давал закрыть дверцу полностью. Часть содержимого сейфа была все еще на месте – это я заметила сразу, – но вот те предметы, которые утром вызвали у меня некоторое замешательство, исчезли. В каком-то смысле я даже испытала облегчение. Я отвела взгляд от шкафа, аккуратно переступила через валяющийся на полу халат и вошла в спальню.

И лишь тогда я увидела его. Мистера Блэка. На нем был тот же самый двубортный костюм, который был на нем, когда он с утра чуть ли не сбил меня с ног у двери номера, отсутствовала только бумага, которую он сунул в нагрудный карман. Он лежал, распластавшись на спине, на кровати. Постель была измята и вся в беспорядке, как будто он долго метался и ворочался с боку на бок, прежде чем улечься на спину. Его голова покоилась на одной подушке, а не на двух, как полагается, еще две другие валялись рядом. Это значило, что мне придется искать обязательную четвертую подушку, которую я совершенно определенно клала на кровать, когда утром застилала ее, поскольку дьявол, как говорится, в де-

талях.

Мистер Блэк был без ботинок – они оказались в другом конце комнаты. Я помню это совершенно отчетливо, потому что один смотрел носом на юг, а второй на восток, и я подумала, что мой профессиональный долг требует от меня, прежде чем выйти из спальни, поставить их так, чтобы оба смотрели в одну сторону, и привести в порядок спутавшиеся шнурки.

Разумеется, первой моей мыслью после того, как моим глазам представилась эта картина, вовсе не было, что мистер Блэк мертв. Я решила, что он крепко заснул после продолжительных возлияний в гостиной. Однако, присмотревшись повнимательней, я заметила в комнате и некоторые другие странности. На прикроватном столике рядом с мистером Блэком валялся открытый пузырек с таблетками, которые, насколько мне было известно, принадлежали Жизели. Маленькие голубые таблетки высыпались на столешницу, а некоторые даже свалились на пол. Пара штук была раздавлена и превратилась в мелкий порошок, который уже успели втоптать в ковер. Я подумала, что придется пылесосить, а потом еще пройтись по ковру специальным дезодорирующим средством, чтобы вернуть ворс обратно в безупречное состояние.

Мне не так уж часто доводилось обнаруживать кого-то из наших гостей в постели спящим. Если уж на то пошло, гораздо чаще, к моему смятению, я застаю их совершенно в ином

состоянии – *in flagrante*⁴, как это именуется на латыни. Большинство гостей, решив поспать или заняться чем-то требующим уединения, любезно вешают на ручку двери табличку «Не беспокоить», которую я всегда оставляю на бюро у входа на такой случай. И большинство гостей немедленно подают голос, если я случайно застаю их в неподобающий момент. Но с мистером Блэком было не так: он не подал голоса и не приказал мне «убираться вон», как обычно говорил, если я приходила не вовремя. Вместо этого он продолжал крепко спать.

Только тогда я осознала, что за те десять секунд или даже больше, что я простояла на пороге, я не слышала его дыхания. Я кое-что знаю о людях, у которых крепкий сон, поскольку моя бабушка как раз была из таких, но ни один человек не способен заснуть настолько крепко, чтобы совсем перестать дышать.

Я решила, что поступлю благоразумно, если подойду к мистеру Блэку и проверю, все ли с ним в порядке. Это тоже профессиональный долг горничной. Я сделала маленький шаг вперед, чтобы внимательно рассмотреть его лицо. Именно тогда я и заметила, каким серым, каким одутловатым и... каким отчетливо нездоровым оно выглядит. Я осторожно подошла еще ближе, к самой кровати, и оказалась прямо над ним. Лицо его было изрезано глубокими морщинами, рот кривился в недовольной гримасе, хотя для мистера Блэка это

⁴ На месте преступления (*лат.*).

вряд ли можно было назвать необычным. Я заметила у него вокруг глаз странные маленькие точки, вроде красно-фиолетовых булавочных укулов. Лишь тогда в мозгу у меня внезапно тренькнул тревожный колокольчик и до меня со всей очевидностью дошел тот пугающий факт, что во всей этой ситуации что-то не так.

Я протянула руку и похлопала мистера Блэка по плечу. Оно было холодным и застывшим, словно какая-нибудь мебель. Я поднесла ладонь к его рту в отчаянной надежде почувствовать хотя бы какой-то намек на дыхание, но все было напрасно.

– Нет, нет, нет, – пробормотала я, прикладывая два пальца к его шее, чтобы проверить пульс. Пульса не было. Я схватила его за плечи и потрясла. – Сэр! Сэр! Проснитесь!

Теперь, по зрелом размышлении, я понимаю, что это было глупо с моей стороны, но в то время мне все еще казалось совершенно немыслимым, что мистер Блэк может в самом деле быть мертв.

Когда я отпустила его, он тяжело упал на подушку, слегка ударившись головой о спинку кровати. Я попятилась назад, мои руки пристыли к бокам.

На негнущихся ногах я прошаркала к столику с другой стороны кровати, на котором стоял телефон, и позвонила на стойку регистрации.

– «Ридженси гранд», ресепшен. Чем я могу вам помочь?
– Добрый день, – начала я. – Я не гость. Обычно я не

прошу помощи. Это Молли, горничная. Я сейчас в пентхаусе на четвертом этаже, в номере четыреста один, и у меня тут нестандартная ситуация. Беспорядок особого рода, если можно так выразиться.

– Зачем вы звоните на ресепшен? Звоните в службу уборки.

– Я и есть служба уборки! – повысила я голос. – Пожалуйста, не могли бы вы сообщить мистеру Сноу, что тут у нас один гость... не вполне живой.

– Не вполне живой?

Вот почему лучше все и всегда говорить прямо и недвусмысленно, но, признаюсь, в тот момент я на время потеряла голову.

– Он совсем мертвый! – сказала я. – Лежит в постели, совсем мертвый. Свяжитесь с мистером Сноу. И пожалуйста, вызовите экстренные службы. Немедленно!

С этими словами я повесила трубку. Честно говоря, все, что происходило дальше, кажется мне сюрреалистичным и похожим на сон. Я помню, как сердце заколотилось у меня в груди, комната вокруг меня накренилась, как в хичкоковском фильме, ладони стали мокрыми от холодного пота, и телефонная трубка едва не выскользнула у меня из руки, когда я клала ее на место.

В этот момент я подняла глаза. На стене напротив меня висело зеркало в позолоченной раме, в котором отражалось не только мое перепуганное лицо, но и все остальное. Раньше

я этого не замечала.

Головокружение усилилось, пол под моими ногами накренился, как в комнате смеха. Я прижала руку к груди в тщетной попытке заставить мое трепыхающееся сердце биться медленнее.

Это куда легче, чем вам кажется, – существовать прямо у всех на виду, оставаясь практически невидимой. Я пришла к этому выводу за время работы горничной. Ты можешь быть таким важным, таким незаменимым в общей структуре, будучи при этом абсолютно незаметным. Это правда, которая применима к горничным, да и к другим тоже, как кажется. Это правда, которая пробирает до костей.

Вскоре после этого я упала в обморок. В глазах у меня потемнело, и я просто рухнула на пол, как это со мной иногда случается, когда оставаться в сознании становится невыносимо.

Теперь я сижу здесь, в роскошном кабинете мистера Сноу, и руки у меня трясутся. Мои нервы на пределе. Что есть, то есть. Что сделано, то сделано. И все равно я дрожу.

Чтобы успокоиться, я применяю мысленный прием, которому научила меня бабушка. Когда напряжение в каком-нибудь фильме становилось невыносимым, она хватала пульт дистанционного управления и ускоряла перемотку вперед. «Ну вот, – говорила она. – Что толку трепать себе нервы, если конец все равно неизбежен. Что будет, то будет». Это верно в отношении фильмов, но менее верно в отношении

реальной жизни. В реальной жизни твои действия могут повлиять на исход событий, сделать его из грустного веселым, из разочаровывающего удовлетворительным, из несправедливого справедливым.

Бабушкин прием срабатывает. Я мысленно перематываю мои воспоминания назад и останавливаю их именно там, где нужно. И дрожь мгновенно стихает. Я по-прежнему находилась в номере, но не в спальне, а у входной двери. Я бросилась обратно в спальню, во второй раз сняла телефонную трубку и позвонила на ресепшен. Только на этот раз я потребовала, чтобы меня соединили с мистером Сноу. Когда в трубке послышался его голос, произнесший: «Слушаю? В чем дело?», я постаралась быть предельно четкой и ясной:

– Это Молли. Мистер Блэк мертв. *Я в его номере.* Пожалуйста, позвоните в службу экстренной помощи.

Приблизительно тринадцать минут спустя мистер Сноу появился в номере в сопровождении небольшой армии медиков и полицейских. Он увел меня прочь, держа за локоть, как маленького ребенка.

И вот теперь я сижу в его кабинете чуть в глубине от главного лобби, в жестком и скрипучем кресле, обитом темно-бордовой кожей, с высокой спинкой. Мистер Сноу куда-то отлучился некоторое время назад – может, час, а может, и больше. Он велел мне никуда не уходить до его возвращения. В одной руке у меня красивая чашка с чаем, в другой – песочное печенье. Я не помню, откуда они взялись.

Я подношу чашку к губам – чай горячий, но не обжигающий, идеальной температуры. Руки у меня все еще немного дрожат. Кто же приготовил мне эту идеальную чашку чая? Мистер Сноу? Или кто-то на кухне? Может, это был Хуан Мануэль? Или Родни из бара? Представлять, как Родни заваривает для меня идеальный чай, приятно.

Я смотрю на чашку – из настоящего фарфора, с узором из розовых роз и колючих зеленых стеблей – и вдруг понимаю, что скучаю по бабушке. Ужасно скучаю.

Я подношу печенье ко рту. Оно приятно похрустывает на зубах. Текстура у него рассыпчатая, вкус нежный и маслянистый. В общем, восхитительное печенье. И сладкое, мм, до чего же сладкое.

Глава 2

Я до сих пор сижу в одиночестве в кабинете мистера Сноу. Должна признаться, меня тревожит то, что я так сильно выбилась из графика, не говоря уж о том, что я останусь без чаевых. Обычно к этому времени я уже успеваю убрать все номера на этаже, но не сегодня. Меня беспокоит, что подумают другие горничные и не придется ли им доделывать вместо меня мою работу. Прошло уже столько времени, а мистер Сноу все не идет и не идет за мной. Я пытаюсь унять страх, который клокочет у меня в животе.

Мне приходит в голову мысль, что, если я хочу вернуть себе душевное спокойствие, неплохо бы восстановить всю последовательность событий дня, как можно подробнее вспомнив все, что произошло до того момента, когда я нашла мистера Блэка мертвым в его постели в номере 401.

Сегодняшний день начался совершенно обычно. Я вошла сквозь величественную вращающуюся дверь в лобби отеля. Строго говоря, персоналу полагается пользоваться служебным входом с тыльной стороны здания, но почти никто так не делает. Это то правило, которое я с удовольствием нарушаю.

Мне нравится то, как холодят ладонь отполированные до блеска латунные перила вдоль алых ступеней лестницы главного входа в отель. Мне нравится то, как мои туфли утопают

в пушистом ворсе ковра. И мне нравится здороваться с мистером Престоном, швейцаром «Ридженси гранд». Представительный, облаченный в фуражку и длинный плащ, украшенный золотыми галунами, мистер Престон проработал в «Ридженси гранд» два с лишним десятка лет.

– Доброе утро, мистер Престон.

– А, Молли. Хорошего тебе понедельника, милая.

Он приподнимает свою фуражку.

– Как поживает ваша дочка? Вы давно с ней виделись?

– Да нет, только в это воскресенье вместе ужинали. Она завтра выступает в суде, у нее слушание. Я до сих пор не могу в это поверить. Моя малышка – адвокат. Если бы только Мэри могла увидеть ее сейчас.

– Вы, должно быть, очень ею гордитесь.

– Ну еще бы.

Мистер Престон овдовел больше десяти лет назад, но больше так и не женился. Когда его спрашивают почему, он неизменно отвечает: «Мое сердце принадлежит Мэри».

Он – честный человек, хороший человек. Не мошенник. Я не говорила, как сильно я презираю мошенников? Собрать бы их всех и утопить в зыбучем песке, пусть задыхаются в грязи. Мистер Престон – не такой человек. Он из тех, кого хотелось бы видеть своим отцом, хотя меня едва ли можно считать специалистом в этом вопросе, учитывая, что у меня самой отца нет и никогда не было. Он исчез из моей жизни одновременно с моей матерью, когда я была еще «крохоту-

лечкой», как говорила моя бабушка, что, насколько я понимаю, означало возраст примерно между моими шестью месяцами и годом, когда бабушка взяла на себя заботу обо мне и мы с ней стали одним целым, бабушка и я, я и бабушка. Пока смерть не разлучила нас.

Мистер Престон напоминает мне бабушку. Он был с ней знаком. Я так и не поняла, откуда они друг друга знали, но бабушка находилась с ним в дружеских отношениях и была довольно близка с его женой Мэри, земля ей пухом.

Мне нравится мистер Престон, потому что он вдохновляет людей вести себя достойно. Если ты швейцар в роскошном, процветающем отеле, ты видишь очень многое. Например, бизнесменов, которые водят к себе в номера юных красоток, пользуясь тем, что их уже не столь юные жены остались за тысячу миль. Или рок-звезд, напившихся до такого состояния, что принимают вазоны при входе за писсуар. Или молодую и красивую миссис Блэк – вторую миссис Блэк, – в спешке покидающую отель в слезах.

В своих действиях мистер Престон руководствуется исключительно своим личным этическим кодексом. Однажды до меня дошел слух, будто он так разозлился на ту самую рок-звезду, что навел на него папарацци, которые так его допекли, что он никогда больше не останавливался в «Риджен-си гранд».

– Мистер Престон, – спросила я у него однажды, – а это правда? Это вы тогда позвонили папарацци?

– Никогда не спрашивай джентльмена о том, что он сделал или не сделал. Если это истинный джентльмен, у его поступка были веские основания. И, если это истинный джентльмен, он никогда не признается.

Вот такой он, мистер Престон.

Пройдя мимо него сегодня утром, я преодолела лобби и поспешила по лестнице вниз, в лабиринт коридоров, ведущих к кухне, к прачечным и к моим самым любимым комнатам из всех – для прислуги. Может, роскошными их не назовешь – ни латуни, ни мрамора, ни бархата, – но в комнатах для прислуги я чувствую себя как дома.

Как всегда, я надела свежую униформу горничной и взяла тележку, предварительно проверив, укомплектована ли она всем необходимым и готова ли к рабочему дню. Она оказалась не укомплектована, что не стало для меня неожиданно, поскольку в вечернюю смену работала моя начальница Шерил Грин. В «Ридженси гранд» многие за глаза называют ее Чернобылем. Чтобы было ясно, она не из Чернобыля. На самом деле, она вообще не из Украины. Она прожила всю свою жизнь в этом городе, как и я. Хочу подчеркнуть, что, хотя я и не слишком высокого мнения о Шерил, я никогда не называю ее – и вообще кого бы то ни было – обидными прозвищами. «Относись к людям так, как хотела бы, чтобы относились к тебе», – учила меня бабушка, и для меня это незыблемый принцип. За мои четверть века какими только словами меня ни называли, и я могу сказать, что поговорка

«Слово не обух, в лоб не бьет» совершенно не соответствует действительности: слово может ранить куда сильнее.

Может, Шерил и выше меня по должности, но она точно ничуть меня не достойнее. Нельзя судить о человеке по тому, кем он работает и чего в жизни достиг; судить надо по его делам. Шерил – лентяйка и неряха. Она работает спустя рукава. Никогда лишний раз не перетрудится. Как-то раз я даже видела, как она протирала раковину в номере той же самой тряпкой, которой перед этим мыла унитаз. Можете себе такое представить?

– Что ты делаешь? – спросила я, застав ее с поличным. – Это негигиенично.

Шерил пожала плечами:

– Эти скряги вечно жмотятся на чаевые. Будут знать.

Хотя это против всякой логики. Откуда гости узнают, что старшая горничная в их отсутствие размазала по их раковине микроскопические частички фекалий? И почему она решила, что это должно побудить их оставлять более щедрые чаевые?

– Это такая низость, что ниже только беличий зад, – отреагировала бабушка, когда я рассказала ей про Шерил и туалетную тряпку.

Сегодня утром, когда я пришла, в моей тележке громоздилась груда грязных влажных полотенец и использованного мыла. Уж можете мне поверить, если бы я была за главную, я бы рада была возможности укомплектовывать все тележки

собственноручно.

На то, чтобы подготовить тележку к смене, у меня ушло некоторое время, и, когда я закончила, наконец явилась Шерил, как обычно поздно, нога за ногу. Мне было очень интересно, кинется ли она первым делом на верхний этаж, как она это делала обыкновенно, якобы для того, чтобы поскорее начать уборку, хотя на самом деле ее целью было проскользнуть в пентхаусы, уборка которых была моей обязанностью, чтобы заграбастать с подушек самые крупные чайные, оставив мне одну мелочь. Я знаю, что она это делает, хотя не могу этого доказать. Такой уж она человек – мошенник – и вовсе не как Робин Гуд. Робин Гуд брал из благородных побуждений, чтобы восстановить справедливость в отношении обездоленных. Такое воровство оправданно, в то время как любое другое – нет. Только не заблуждайтесь: Шерил – не Робин Гуд. Она крадет у других по одной-единственной причине: чтобы нажиться за их счет. И это делает ее паразиткой, а не героиней.

Я сухо поздоровалась с Шерил, потом поприветствовала Солнышко и Суниту, двух других горничных, которые работают со мной в одну смену. Солнышко родом с Филиппин.

– Почему тебя зовут Солнышком? – спросила я ее, когда мы с ней только познакомились.

– Из-за моей ослепительной улыбки, – ответила она и, подбоченившись, взмахнула метелочкой из перьев.

Тогда я увидела сходство – чем Солнышко похожа на на-

стоящее солнце. Она теплая и ласковая. Она очень разговорчивая, и наши гости ее любят. Сунита родом со Шри-Ланки и, в отличие от Солнышка, практически не раскрывает рта.

– Доброе утро, – всегда говорю я ей, когда она работает в мою смену. – У тебя все хорошо?

Она коротко кивает и отвечает одним-двумя словами, что меня вполне устраивает. Работать с ней приятно, она не лентяйка и не копуша. Я не имею ничего против других горничных, если они делают свою работу на совесть. Могу сказать одно: и Сунита, и Солнышко знают, как навести в номере идеальную чистоту, что я как горничная уважаю.

Как только моя тележка была укомплектована, я покатила ее по коридору по направлению к кухне, чтобы навестить Хуана Мануэля. Он отличный товарищ, всегда приветливый и готовый помочь. Оставив тележку у дверей кухни, я заглянула сквозь стеклянное окошечко внутрь. Он был там, у гигантской посудомойки, прогонял сквозь ее недра поддоны с грязной посудой. Вокруг сновали другие кухонные работники с подносами, накрытыми серебряными крышками, свежими трехслойными тортами и прочими декадентскими яствами. Начальника Хуана нигде не было видно, так что сейчас было самое подходящее время, чтобы войти. Стараясь держаться поближе к стене, я добралась до рабочего места Хуана Мануэля.

– Привет! – поздоровалась я, возможно слишком громко, но мне хотелось, чтобы он меня услышал сквозь жужжание

машины.

Хуан Мануэль вздрогнул и обернулся.

– *Híjole*⁵, ты меня напугала!

– Сейчас подходящий момент? – спросила я.

– Да, – ответил он, вытирая руки о фартук, и, подойдя к большой металлической раковине, взял чистый стакан, налил в него ледяной воды и протянул его мне.

– Ой, спасибо, – сказала я.

Если в подвале было тепло, то в кухне – адское пекло. Не знаю, как Хуан здесь работает, часами простаивая над раковиной в этой невыносимой жаре и влажности и соскребая с тарелок объедки. Все эти нечистоты, все эти микробы. Я каждый день забегаю к нему и каждый день изо всех сил стараюсь об этом не думать.

– Я принесла тебе ключ. Номер триста восемь, гости освободили его раньше времени. Я прямо сейчас пойду приведу его в порядок, чтобы ты смог подняться туда, когда понадобится. Договорились?

Я тайком приношу Хуану Мануэлю ключи от свободных номеров уже по меньшей мере год, с тех пор как Родни рассказал мне про то, в каком бедственном положении он находится.

– Спасибо тебе большое, *amiga mía*⁶, – сказал Хуан Мануэль.

⁵ Здесь: о господи (*исп.*).

⁶ Подруга моя (*исп.*).

– Тебя там никто не побеспокоит до завтра, до девяти утра, пока не придет Шерил. Она вообще не должна убирать третий этаж, но с ней никогда нельзя ничего знать наверняка.

И тут я заметила у него на запястьях круглые отметины, красные и воспаленные.

– Что это у тебя такое? – спросила я. – Ты что, обжегся?

– А, это? Да. Я обжегся. О посудомойку. Да.

– Кажется, это нарушение требований безопасности рабочего места! – сказала я. – Мистер Сноу очень серьезно относится к безопасности. Ты должен обязательно ему об этом сказать, он пришлет кого-нибудь проверить посудомойку.

– Нет-нет, – ответил Хуан Мануэль. – Я сам виноват. Сунул руку туда, куда не следовало.

– Ну ладно, – ответила я. – Будь осторожен, пожалуйста.

– Обязательно, – заверил меня он.

Все это время он не смотрел мне в глаза, что было совсем на него не похоже. Я решила, что он смущен из-за своей неуклюжести, и переменяла тему.

– Как твои родные, слышно от них что-нибудь? – спросила я.

– Вот, это мне мать вчера прислала.

Он вытащил из кармана фартука фотографию и показал мне. Его семья живет на севере Мексики. Его отец умер чуть больше двух лет назад, и они остались без средств к существованию. Поэтому Хуан отправляет домой деньги. У него четыре сестры, два брата, шесть тетушек, семеро дядей и один

племянник. Он самый старший из братьев и сестер, примерно моего возраста. На фотографии вся семья сидела вокруг пластикового стола, улыбаясь в камеру. Во главе стола стояла его мать, с гордостью держа в руках блюдо с жареным мясом.

– Вот зачем я здесь – на этой кухне, в этой стране. Чтобы моя семья могла по воскресеньям есть мясо. Если бы моя мать познакомилась с тобой, Молли, ты ей сразу понравилась бы. Мы с ней очень похожи, моя мама и я. Если человек хороший, мы это сразу видим. – Он показал на лицо матери на фотографии. – Смотри! Она всегда улыбается, несмотря ни на что. Ох, Молли.

На его глаза навернулись слезы. Я не знала, что делать. Мне не хотелось больше смотреть на фотографии его семьи. Каждый раз, когда он показывал их мне, у меня в животе возникало странное ощущение, примерно такое же, как в тот раз, когда я, моя раковину в номере, случайно задела оставленную гостьей на краю сережку и она исчезла в черной дыре слива.

– Мне пора идти, – сказала я. – Мне сегодня надо убрать двадцать один номер.

– Хорошо, хорошо. Я всегда радуюсь, когда ты заходишь. До свидания, мисс Молли.

Я поспешила из кухни прочь, в тихий, ярко освещенный коридор, к моей идеально укомплектованной тележке, и мне сразу же стало намного лучше.

Пора было заглянуть в гриль-бар при ресторане, где уже должен был заступить на смену Родни. Родни Стайлз, старший бармен. Родни со своей густой волнистой шевелюрой, в строгой белой рубашке с элегантно расстегнутыми верхними пуговицами, открывавшими взгляду кусочек идеально гладкой кожи у него на груди – ну, вернее, почти идеально гладкой, если не считать небольшого круглого шрама на солнечном сплетении. Ну, в общем, грудь у него не волосатая. Не представляю, какой женщине вообще могут нравиться волосатые мужчины. Нет, я вовсе не предвзята в этом вопросе. Просто, если бы мужчина, который мне понравился, оказался волосатым, я взяла бы воск и выдрала бы всю растительность подчистую.

Впрочем, в реальной жизни мне пока что такой возможности не представилось. У меня был всего один бойфренд, Уилбур. И хотя волос на груди у него не было, он оказался сердцеедом. А еще лжецом и мошенником. Так что, возможно, волосы на груди еще не самая худшая вещь в мире.

Я глубоко дышу, чтобы избавиться от мыслей о Уилбуре. Мне повезло иметь способность приводить в порядок мысли так же, как я привожу в порядок комнаты. Я воображаю неприятных людей или вспоминаю неловкие моменты, а потом выбрасываю их из своей головы. Раз – и стерто. Вот так просто. В моих мыслях снова царит идеальный порядок.

Однако сейчас, сидя в кабинете мистера Сноу в ожидании его возвращения, мне трудно сохранять ясность мыслей.

Они снова и снова возвращаются к мистеру Блэку. К ощущению его безжизненной кожи под моими пальцами. И так далее.

Я делаю глоток чая, который уже успел остыть. Надо снова сосредоточиться на событиях утра, на том, чтобы восстановить в памяти каждую мелочь... Так, на чем я остановилась?

Ах да. Хуан Мануэль. После того, как я ушла от него, я направилась со своей тележкой к лифту и поднялась в лобби. Когда двери лифта открылись, я увидела мистера и миссис Чен. Чены у нас тоже постоянные гости, как и Блэки, хотя Чены с Тайваня. Мистер Чен, насколько мне известно, торгует текстилем. Миссис Чен всегда его сопровождает. В тот день на ней было платье винного цвета с красивой черной бахромой. Чены всегда безукоризненно вежливы, что я считаю исключительным достоинством.

Они сразу же поздоровались со мной, что, должна заметить, для гостей отеля большая редкость. Они даже отступили в сторону, чтобы я могла выйти из лифта, прежде чем они туда войдут.

– Спасибо, что останавливаетесь в нашем отеле, мистер и миссис Чен.

Мистер Сноу научил меня всегда приветствовать гостей по имени, обращаться с ними так, как будто они члены семьи.

– Это вам спасибо за то, что поддерживаете в нашем номере такой порядок, – сказал мистер Чен. – Миссис Чен каж-

дый раз отдыхает здесь душой и телом.

– Я так, того и гляди, совсем разленюсь. Вы делаете за меня абсолютно всю работу, – сказала миссис Чен.

Я не из тех, кто любит привлекать к себе внимание. Если мне делают комплимент, я в ответ обыкновенно или молчу, или коротко киваю. На этот раз я кивнула и, сделав книксен, сказала:

– Желаю вам приятного пребывания в нашем отеле.

Чены вошли в лифт, и двери закрылись.

В лобби было достаточно оживленно, кто-то заселялся, кто-то, наоборот, выезжал. С виду все было в порядке, моего вмешательства не требовалось. Иногда, впрочем, кто-то из гостей может оставить на журнальном столике смятую газету или бросить стаканчик из-под кофе на чистый мраморный пол, где из него непременно вытекут последние несколько капель, образовав зловещее коричневое пятно. Если я замечаю подобные досадные мелочи, я быстренько устраняю их. Строго говоря, уборка лобби в мои обязанности не входит, но, как говорит мистер Сноу, хорошие работники сами проявляют инициативу.

Я подкатила свою тележку ко входу в гриль-бар и поставила ее на тормоз. Родни уже стоял за баром, читая газету, разложенную на стойке.

Я вошла в зал стремительной походкой, чтобы показать, что я – женщина, уверенная в себе и занятая.

– Я пришла, – сообщила я.

Он вскинул глаза.

– А, Молли, привет! Ты за газетами?

– Твое предположение на сто процентов верно.

Каждый день я беру в баре стопку газет, чтобы разнести их по номерам во время уборки.

– Ты это уже видела? – спросил он, указывая на лежащую перед ним газету.

Он носит очень блестящие часы «Ролекс». Хотя я в брендах не очень разбираюсь, я прекрасно знаю, что «Ролекс» – марка не из дешевых, а это, по всей видимости, означает, что мистер Сноу высоко ценит Родни за выдающиеся способности бармена и платит ему больше, чем обычно платят барменам.

Я взглянула на заголовок, на который показывал Родни.

«Раскол в семье грозит подорвать могущество империи Блэка».

– Можно посмотреть?

– Конечно.

Он развернул газету ко мне. Статья сопровождалась несколькими фотографиями. На одной из них мистер Блэк, снятый крупным планом в своем классическом двубортном костюме, пытался заслониться от репортеров, которые совали камеры прямо ему в лицо. Жизель, безупречно одетая с головы до пят и в черных очках, держала его под руку. Судя по ее наряду, фотография была сделана совсем недавно. Может, даже вчера?

– Похоже, в семье Блэк назревает скандал, – сказал Родни. – Судя по всему, его дочери Виктории принадлежит срок девять процентов акций бизнес-империи Блэка, и она хочет забрать свою долю.

Я пробежала статью глазами. У мистера Блэка было трое детей, все уже взрослые. Один из мальчиков жил в Атлантик-Сити, второй перемещался между Таиландом и Виргинскими островами или любым другим местом, где планировалась вечеринка. В статье миссис Блэк – первая миссис Блэк – описывала обоих своих сыновей как «людей непрактичных и легкомысленных» и, если верить приведенной цитате, утверждала, что «единственное, что может спасти „Блэк пропертиз энд инвестментс“, это если моя дочь Виктория, которая уже и так фактически взяла на себя руководство компанией, получит как минимум половину акций». Далее в статье описывались перипетии затяжного судебного процесса между мистером Блэком и его бывшей женой. В статье упоминались многочисленные другие магнаты, поддерживавшие ту или иную сторону. Текст подводил читателя к выводу, что второй брак мистера Блэка, в который он два года тому назад вступил с Жизель – женщиной, более чем вдвое его моложе, – стал тем самым моментом, после которого империю Блэка начало лихорадить.

– Бедная Жизель, – произнесла я вслух.

– Правда же? – отозвался Родни. – Ей сейчас только этого не хватало.

Мне в голову пришла одна мысль.

– А ты хорошо ее знаешь? Жизель?

Родни сложил газету и убрал под стойку, а мне принес свежую стопку, чтобы я отнесла ее наверх.

– Кого?

– Жизель, – повторила я.

– Мистер Блэк не позволяет ей спускаться в бар. Думаю, ты общаешься с ней чаще, чем я.

Он был прав. За последнее время между нами, молодой и красивой Жизелью Блэк, второй женой скандально известного магната, и мной, скромной гостиничной горничной, возникла неожиданная и приятная связь – даже, не побоюсь этого слова, дружба. Я не слишком об этом распространяюсь, поскольку максима мистера Престона относится не только к джентльменам: лучше держать язык за зубами.

Я ждала от Родни продолжения, держа паузу, которую могла бы сделать одинокая, но не отчаявшаяся молодая женщина, питая она романтический интерес к стоящему перед ней свободному и привлекательному молодому мужчине, в запахе одеколona которого нотки бергамота мешались с интригующей экзотической маскулинностью.

И я не осталась разочарована – во всяком случае, не полностью.

– Молли, твои газеты. – Он склонился над барной стойкой, и на предплечьях у него завораживающе заиграли мускулы. (Поскольку это была барная стойка, а не обеденный

стол, правило, запрещавшее класть на столешницу локти, не действовало.) – Да, кстати, Молли, я хотел поблагодарить тебя за то, что ты делаешь для моего друга Хуана Мануэля. Ты поистине... необыкновенная девушка.

Я почувствовала, что моим щекам стало жарко, как бывало, когда бабушка принималась пощипывать их, чтобы не были такими бледными.

– Я и для тебя сделала бы то же самое, если не больше. Ну то есть разве это не то, для чего нужны друзья? Чтобы помогать друг другу в беде?

Он положил ладонь на мое запястье и легонько его сжал. Ощущение было исключительно приятным, и я неожиданно осознала, сколько времени прошло с тех пор, как ко мне в последний раз кто-то прикасался – хоть кто-то вообще.

Он убрал руку задолго до того, как я оказалась к этому готова. Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, может, снова пригласит меня на свидание? Ничего в жизни мне не хотелось так сильно, как во второй раз оказаться на randevу с Родни Стайлзом. Впервые это произошло более года назад и до сих пор остается главным событием моей взрослой жизни.

Но ждала я напрасно. Он отвернулся к кофе-машине и занялся приготовлением свежей порции кофе.

– Тебе пора идти, – сказал он. – А не то Чернобыль сбросит на тебя бомбу.

Я засмеялась – вернее даже, скорее захохотала или закашлялась. Я смеялась с Родни, а не над Шерил, что оправдыва-

ло меня в собственных глазах.

– Исключительно приятно было с тобой поговорить, – сказала я Родни. – Может, как-нибудь повторим? – запустила я пробный шар.

– Всенепременно, – отозвался он. – Я бываю тут каждый день, ха-ха.

– Ну разумеется, – сказала я будничным тоном.

– Это была шутка, – сказал он и подмигнул.

Хотя его шутку я не поняла, не понять подмигивание было невозможно. Я выплыла из бара и забрала мою тележку. Стук сердца отдавался в ушах, возбуждение волнами расходилось по всему телу.

Я покатила тележку через лобби, на ходу кивая гостям. «Вежливость должна быть ненавязчивой, а сервис невидимым, но ощутимым», – любил повторять мистер Сноу. Это давно вошло у меня в привычку, хотя, должна сказать, она дается мне практически без труда. Видимо, благодарить за это следует бабушкино воспитание, хотя в отеле я получила массу возможностей практиковаться и совершенствоваться.

Сегодня утром, пока я со своей тележкой поднималась на лифте на четвертый этаж, сердце у меня пело от счастья. Я направилась к пентхаусу мистера и миссис Блэк, номеру 401. В тот момент, когда я собиралась постучать в дверь, она распахнулась и из номера выскочил мистер Блэк. На нем был его неизменный двубортный костюм, из левого нагрудного кармана торчал сложенный лист бумаги, на котором мелки-

ми письменными буквами было написано слово «дарственная». Он едва не сшиб меня с ног.

– Прочь с дороги!

Он нередко так себя вел – сбивал с ног или обращался со мной как с пустым местом.

– Прошу прощения, мистер Блэк, – сказала я. – Хорошего вам дня.

Я просунула ногу в дверь, чтобы не дать ей закрыться, потом решила, что надо все равно постучать.

– Уборка номеров! – крикнула я.

Жизель сидела на диване в гостиной в купальном халате, обхватив руками голову. Плакала? Я не была точно в этом уверена. Ее волосы – темные, длинные и блестящие – были растрепаны. От вида ее волос в таком состоянии мне стало не по себе.

– Сейчас подходящий момент, чтобы привести ваш номер обратно в идеальное состояние? – спросила я.

Жизель вскинула голову. Лицо у нее было красное, глаза опухшие. Она схватила со стеклянной столешницы свой телефон, вскочила с дивана и скрылась в ванной, захлопнув за собой дверь. Из-за двери немедленно послышался шум вентилятора, который показался мне каким-то громким и дребезжащим. Я сделала себе мысленную пометку сообщить об этом в службу ремонта. Потом Жизель включила душ.

– Ладно! – крикнула я, пытаюсь перекрыть шум воды. – Если вы не возражаете, я тогда тут приберусь, пока вы гото-

витель к свершениям нового дня!

Ответа не последовало.

– Я говорю, я тогда займусь наведением порядка! Поскольку вы ничего мне не ответили...

Молчание. Для Жизели такое поведение было несвойственно. Обычно, когда я приходила прибраться в номере, она была совсем не прочь со мной поболтать. Она заводила со мной разговор, и в ее присутствии я чувствовала себя так, как редко чувствовала себя с кем-то еще. Я чувствовала себя расслабленно – как будто я сижу дома на диване, рядом с бабушкой.

Я сделала еще одну попытку.

– Моя бабушка всегда говорила, что лучший способ справиться с хандрой – устроить уборку! Если ты расклеился, швабру в руки – и вперед!

Но Жизель не могла расслышать меня сквозь шум текущей воды и гул вентилятора.

Я занялась уборкой, начав с гостиной. Стеклянная столешница была вся в грязных разводах и следах пальцев. Человеческая способность разводить грязь никогда не перестает меня поражать. Я взяла бутылочку с нашатырным спиртом и принялась за работу, и вскоре столешница уже сверкала, как ей и полагается.

Я обвела комнату взглядом. Шторы были раздвинуты. К счастью, на окнах не было следов пальцев, уже легче. На бюро у двери лежали несколько вскрытых конвертов. На полу

валялся оторванный уголок. Я подобрала его и бросила в мусорную корзину. Рядом с письмами валялась желтая сумочка Жизели с ремешком в виде золотой цепочки. С виду она казалась дорогой, хотя Жизель вечно бросала ее где попало. Молния была открыта, и наружу торчала распечатанная маршрутная квитанция. Я не из тех, кто сует нос в чужие дела, но успела заметить, что это два билета на Каймановы острова в один конец. Если бы это была моя сумочка, я всегда застегивала бы молнию, чтобы из нее ненароком не вывалилось что-нибудь ценное. Я взяла на себя смелость поставить ее строго параллельно конвертам и аккуратно положить рядом цепочку.

Я еще раз обвела взглядом комнату. Ковер был сильно утоптан – ворс примят с обеих сторон, как будто кто-то – то ли мистер Блэк, то ли Жизель, то ли оба сразу – расхаживал по нему туда-сюда. Я взяла с тележки пылесос и включила его в розетку.

– Прошу прощения за шум! – крикнула я в сторону двери ванной.

Я пропылесосила комнату, методично проходясь туда и обратно по прямой, до тех пор пока ворс не распрямился и не стал похож на японский сад камней, который только что разровняли граблями. Я никогда в жизни не бывала в настоящем японском саду, но мы с бабушкой любили проводить досуг, сидя рядышком на диване перед телевизором в гостиной.

— Ну, куда мы отправимся сегодня вечером? — спрашивала она. — На Амазонку с Дэвидом Аттенборо или в Японию с «Нэшнл джиографик»?

В тот вечер я выбрала Японию, и мы с бабушкой узнали все в подробностях про сады камней. Это, разумеется, было до того, как она заболела. Теперь я обхожусь без телепутешествий, потому что не могу позволить себе ни кабельное телевидение, ни даже «Нетфликс». Но даже если бы у меня и были деньги, без бабушки это все равно было бы уже совсем не то.

Теперь, когда я сижу в кабинете мистера Сноу и прокручиваю в памяти события дня, я снова ловлю себя на мысли, что Жизель утром находилась в ванной до странности долго. Такое впечатление, что она не хотела со мной разговаривать. Ну или у нее неожиданно случилось расстройство желудка.

Пропылесосив, я переместилась в спальню. Постель была в беспорядке, а чайных на подушке не оказалось, что стало для меня разочарованием. Должна признаться, я привыкла рассчитывать на щедрые чаевые от Блэков. Они помогали мне продержаться на плаву последние несколько месяцев после того, как не стало бабушки и оплата квартиры легла исключительно на мои плечи.

Я сняла простыни и перестелила постель, аккуратно, как в больнице, разгладив все складочки и в соответствии с отельным стандартом взбив четыре подушки — две твердые, две мягкие, по две на каждого, мужа и жену. Дверца шкафа была

приоткрыта, но, когда я попыталась закрыть ее, у меня ничего не вышло, потому что встроенный сейф оказался распахнут. Внутри лежал один паспорт (не два), какие-то документы, выглядевшие очень официально, и несколько пачек денег – хрустящие новенькие стодолларовые купюры, по меньшей мере пять пачек в общей сложности.

Мне нелегко в этом признаться, даже самой себе, но у меня сейчас финансовый кризис. И хотя я этим совсем не горжусь, правда заключается в том, что горы денег, лежащие в сейфе, искушали меня так сильно, что я постаралась как можно быстрее привести спальню в порядок – обувь поставить ровно, прозрачный пеньюар, небрежно брошенный в кресло, аккуратно сложить и так далее, чтобы можно было поскорее уйти и закончить уборку в остальном номере.

Я вернулась в гостиную, где занялась мини-баром. Недоставало пяти маленьких бутылочек джина «Бомбей» (их, видимо, выпила она) и трех бутылочек скотча (а вот они точно были на его счету). Я пополнила запас, после чего опустошила все мусорные корзины.

Тут наконец за дверью ванной выключился душ, а за ним и вентилятор. И вот тогда до меня донеслись рыдания Жизели – ни с чем другим этот звук спутать было нельзя.

Похоже, ей было очень грустно, так что я громко объявила, что номер убран, взяла с тележки коробку с салфетками и стала ждать у двери ванной.

Наконец она вышла. На ней был гостиничный белый пу-

шистый халат. Я всегда задавалась вопросом, каково это – когда на тебе такой халат; наверное, это все равно что оказаться внутри облака. Голову она замотала полотенцем – получился идеальный завиток, прямо как на моем любимом лакомстве, мороженом.

Я протянула ей коробку с салфетками:

– Если слезы льются из прекрасных глаз, это мы исправим быстренько сейчас!

Она вздохнула:

– Ты милая. Но салфеткой тут ничего не исправишь.

Она обошла меня и скрылась в спальне. Я услышала, как она принялась рыться в своем шкафу.

– У вас там все в порядке? – спросила я. – Я могу чем-нибудь вам помочь?

– Не сегодня, Молли. У меня нет сил. Ладно?

У нее был другой голос, как у сдувшейся шины, если бы шина могла говорить, что, разумеется, возможно только в мультфильмах. Мне было совершенно ясно, что она находится в состоянии крайнего расстройства.

– Прекрасно, – сказала я своим самым бодрым голосом. – Могу я тогда навести порядок в вашей ванной?

– Нет, Молли. Извини, пожалуйста. Не сейчас.

Я решила не принимать это на свой счет.

– Тогда я зайду еще раз попозже.

– Отличная мысль, – отозвалась она.

В ответ на ее комплимент я сделала книксен и, взяв те-

лежку, вышла из номера.

Я отправилась приводить в порядок другие номера на этаже, но меня все сильнее одолевало беспокойство. Что случилось с Жизелью? Обыкновенно, пока я прибирала ее номер, она без умолку болтала, рассказывая, куда собирается пойти и чем заняться. Она спрашивала моего мнения о том, что ей лучше надеть. Говорила мне всякие приятные вещи. «Молли, второй такой, как ты, нет. Ты самая лучшая, помни об этом». От этих слов моим щекам становилось тепло, а в груди словно что-то расширялось.

Кроме того, Жизель забыла дать мне чаевые, а это было совсем на нее не похоже.

«У нас у всех время от времени бывают плохие дни, — слышала я в голове голос бабушки. — Но когда плохими становятся все дни без исключения, а хороших не остается вовсе, значит пора что-то менять в своей жизни».

Я направилась к номеру мистера и миссис Чен. Шерил уже крутилась у двери, собираясь войти в номер.

— Я хотела немного помочь тебе, унести вниз грязное белье, — сказала она.

— Все в порядке, я сама справлюсь, — отозвалась я, протискиваясь мимо нее со своей тележкой. — Но спасибо тебе за доброту.

Приложив свою карту к замку, я вошла внутрь и захлопнула дверь прямо у нее перед носом.

На подушке в спальне Ченов лежала хрустящая двадцати-

долларовая купюра. Для меня. Знак признания моей работы, моего существования, моей нужды.

– Вот что такое настоящая доброта, Шерил, – сказала я вслух, складывая двадцатку и пряча ее в карман, и принялась за работу, попутно фантазируя о том, что сделала бы – пшикнула бы ей в лицо хлоркой, удушила поясом от халата, спихнула с балкона, – если бы поймала ее с поличным за воровством моих чаевых у меня из-под носа.

Глава 3

Я слышу шаги, приближающиеся по коридору к кабинету мистера Сноу, где я послушно сижу в одном из скрипучих красно-бордовых кожаных кресел с высокой спинкой. Я не знаю, сколько я уже здесь нахожусь – по ощущениям, больше ста двадцати минут, – и, хотя я очень старалась отвлечь себя мыслями и воспоминаниями, нервы у меня уже на пределе. Входит мистер Сноу.

– Спасибо за ожидание, Молли. Ты проявила исключительное терпение.

И тут я понимаю, что за спиной у него кто-то стоит, кто-то в темно-синей одежде. Он делает шаг вперед. Это оказывается полицейский. Женщина. Она крупная, внушительная, с широкими, как у спортсменки, плечами. В ее глазах есть что-то такое, что мне не нравится. Я привыкла к тому, что люди смотрят мимо меня, сквозь меня, но эта женщина, она смотрит прямо на меня – я бы даже сказала, прямо *внутри* меня – так, что мне становится очень не по себе. Чашка с чаем в моих руках кажется холодной как лед. Руки у меня тоже холодные.

– Молли, это детектив Старк. Детектив, это Молли Грей. Это она нашла мистера Блэка.

Я не уверена, как по протоколу полагается приветствовать служащего полиции. Мистер Сноу научил меня, как привет-

ствовать бизнесменов, глав государств и звезд инстаграма, но он никогда не упоминал о том, как быть с полицейскими. Придется мне полагаться на собственную находчивость и на сведения, почерпнутые из «Коломбо»⁷.

Я встаю, потом понимаю, что все еще держу чашку с чаем в руке, и делаю несколько шагов по направлению к роскошному, красного дерева столу мистера Сноу, чтобы поставить ее, но нигде не вижу подставки. Подставки обнаруживаются в другом конце кабинета, на полке, заставленной солидного вида книгами в кожаных переплетах – стирать с них пыль, должно быть, занятие трудоемкое, но в то же самое время исключительно отрадное. Я беру из стопки одну подставку, возвращаясь к столу мистера Сноу, аккуратно располагаю ее на столешнице так, чтобы ее края совпадали с углом стола, и тогда уже ставлю на нее мою чашку с узором из роз, внимательно следя за тем, чтобы не пролить ни капли остывшего чая.

– Ну вот, – говорю я. Потом подхожу к женщине в форме и смотрю прямо в ее пронизательные глаза. – Детектив, – произношу я, как говорили в фильме, и делаю подобие книксена, поставив одну ногу позади другой и коротко кивнув головой.

Детектив Старк бросает взгляд на мистера Сноу, потом снова смотрит на меня.

⁷ «Коломбо» – детективный телесериал (США). В главной роли лейтенанта Коломбо снимался Питер Фальк.

– Какой ужасный у вас сегодня выдался день, – говорит она, как мне кажется, не без теплоты в голосе.

– О, он был не весь целиком ужасный, – возражаю я. – Я как раз перебирала в памяти все его события. Вообще-то, он даже был по большей части приятный – часов приблизительно до трех.

Детектив Старк снова косится на мистера Сноу.

– Это шок, – говорит он. – Она находится в состоянии шока.

Наверное, мистер Сноу прав. Следующая мысль, которая приходит мне в голову, вдруг кажется мне настолько важной, что ее настоятельно требуется высказать вслух.

– Мистер Сноу, спасибо вам огромное за чай с песочным печеньем. Это вы мне их принесли? Или кто-то еще? И то и другое было просто изумительным. Могу я узнать, что это за марка песочного печенья?

Мистер Сноу закашливается. Потом говорит:

– Мы сами выпекаем его на нашей кухне, Молли. Я с удовольствием угощу тебя еще как-нибудь в другой раз. Но сейчас нам необходимо обсудить более важные вещи. Детектив Старк задаст тебе несколько вопросов, поскольку это ты первой оказалась на месте... э-э... обнаружила мистера Блэка...

– На его смертном ложе, – подсказываю я услужливо.

Мистер Сноу принимается разглядывать носки своих начищенных до блеска туфель.

Детектив скрещивает руки на груди. Мне кажется, ее глаза

буравят меня со значением, вот только я не могу понять, что это за значение. Будь со мной бабушка, я спросила бы у нее. Но ее больше нет со мной. И никогда не будет.

– Молли, – говорит мистер Сноу, – тебя никто ни в чем не обвиняет. Но детектив Старк хотела бы поговорить с тобой как со свидетельницей. Может, ты заметила что-то необычное в номере или в течение дня? Что-то такое, что могло бы помочь расследованию?

– Расследованию? – переспрашиваю я. – Вы думаете, что вам известно, как умер мистер Блэк?

Детектив Старк откашливается.

– Я пока что ничего не думаю.

– Весьма разумно, – говорю я. – Значит, вы не считаете, что мистера Блэка убили?

Глаза детектива Старк широко распахиваются.

– Ну, вероятнее всего, он умер от сердечного приступа, – говорит она. – Петехиальные кровоизлияния у него вокруг глаз говорят в пользу внезапной остановки сердца.

– Петехиальные кровоизлияния? – переспрашивает мистер Сноу.

– Крохотные синячки вокруг глаз. Такое бывает при сердечном приступе, но может означать и... другие вещи. Пока что мы ничего не знаем наверняка. Необходимо произвести тщательное расследование, чтобы исключить возможность того, что он был убит.

Мне немедленно вспоминается один забавный каламбур,

который любила бабушка, и я решаю блеснуть остроумием.

– Нет, ни у каких бит он совершенно точно не был, – произношу я.

– Молли, – говорит мистер Сноу, – ты отдаешь себе отчет в серьезности ситуации?

Его брови сведены на переносице, и я осознаю, что надедала, каким образом была истолкована моя маленькая шутка.

– Прошу прощения, сэр, – объясняю я. – Мне просто вдруг на ум пришел этот каламбур.

Детектив расплетает руки и кладет ладони на бедра. И снова смотрит на меня с этим своим непонятным выражением.

– Я хотела бы отвезти вас в полицейский участок, Молли, – говорит она. – Чтобы взять у вас свидетельские показания.

– Боюсь, что это невозможно, – возражаю я. – Я не закончила убирать закрепленные за мной номера, а мистер Сноу рассчитывает на меня.

– Ничего страшного, Молли, – говорит мистер Сноу. – Ситуация из ряда вон выходящая, и я настаиваю на том, чтобы ты помогла детективу Старк. Мы заплатим тебе за полную смену, так что пусть этот вопрос тебя не беспокоит.

Я рада это слышать. Учитывая текущее состояние моих финансов, я попросту не могу позволить себе лишиться дневного заработка.

– Это очень великодушно с вашей стороны, мистер Сноу, – говорю я, и тут мне в голову приходит еще одна мысль. – Так, значит, меня ни в чем не обвиняют, да?

– Да, – говорит мистер Сноу. – Я прав, детектив?

– Да, совершенно ни в чем. Нам просто нужно узнать, что вы сегодня видели, на что обратили внимание, особенно на месте происшествия.

– Вы имеете в виду, в номере мистера Блэка?

– Да.

– Когда я обнаружила его мертвым.

– Э-э... да.

– Ясно. Куда мне отнести грязную чашку, мистер Сноу? Я с радостью верну ее на кухню. «Грязь не вздумай оставлять – гость не должен увидеть!»

Я цитирую лозунг с самого последнего семинара по повышению квалификации, который не так давно проводил для нас мистер Сноу, но, увы, моя остроумная реплика остается незамеченной.

– Не беспокойся о чашке. Я сам ее уберу, – говорит он.

После этих слов детектив Старк выводит меня из кабинета мистера Сноу и, минуя ярко освещенное лобби отеля «Ридженс гранд», мы выходим через служебную дверь.

Глава 4

Я сижу в полицейском участке. Мне очень непривычно находиться где-то еще, кроме как в отеле «Ридженси гранд» и дома, в бабушкиной квартире. Я не могу думать о ней как о моей квартире, но, наверное, теперь она моя. Моя и только моя – до тех пор, пока я смогу ее оплачивать.

И вот я здесь, в месте, где никогда прежде не бывала и где совершенно определенно не ожидала оказаться сегодня, – в маленькой комнатухе с белыми бетонными стенами, где всего два стула, стол и камера в верхнем левом углу, которая подмигивает мне красным огоньком. Люминесцентный свет слишком резкий и бьет в глаза. Хотя мне очень нравится белый цвет в декоре и одежде, здесь этот стиль определенно выбран зря. Белый работает только тогда, когда в комнате чисто. А эту комнату даже с большой натяжкой чистой назвать нельзя.

Наверное, это профессиональная деформация: я вижу грязь там, где другие ее не замечают. Царапины на стене, оставленные, по всей вероятности, углом чьего-то черного портфеля, кофейные кольца на белом столе напротив меня – две круглые коричневые буквы «о». Захвачанная дверная ручка, геометрические отпечатки чьих-то мокрых подошв на полу.

Детектив Старк привезла меня сюда всего несколько ми-

нут назад. Наша поездка в целом была достаточно приятной. Детектив позволила мне сесть на переднее сиденье, что я оценила. Я же не преступница какая-нибудь, вот и не надо обращаться со мной как с преступницей. Во время поездки она попыталась завязать со мной светскую беседу. Мне светские беседы не очень хорошо даются.

– И давно вы работаете в «Ридженси гранд»? – спросила она.

– Уже приблизительно четыре года, тринадцать недель и пять дней. Я могу ошибаться на день, но не более того. Если у вас найдется календарик, я могла бы сказать вам точно.

– Не нужно. – Она медленно покачала головой, что, по-видимому, означало, что я выдала ей избыточную информацию.

Мистер Сноу всегда говорит мне, что не надо слишком все усложнять. Чем проще, тем лучше. Он имеет в виду, что я иногда склонна излишне вдаваться в подробности, а это, как выясняется, может раздражать людей.

Когда мы приехали в участок, детектив Старк поздоровалась с секретаршей, что с ее стороны было очень достойно. Я всегда отмечаю, когда так называемые вышестоящие лица здороваются со своими подчиненными. «Вежливым быть никому и ни с кем не зазорно», – любила повторять бабушка.

Потом детектив Старк завела меня в эту маленькую комнату в глубине участка.

– Принести вам что-нибудь, прежде чем мы начнем раз-

говор? Может, кофе?

– А чая можно? – спросила я.

– Пойду посмотрю, что у нас тут есть.

Сейчас она вернулась с одноразовым стаканчиком в руке.

– Простите, чая не нашлось. Я принесла вам воды.

В одноразовом стаканчике. Терпеть не могу одноразовые стаканчики. Они скрипят. К ним липнет грязь. На них остаются вмятины от малейшего нажатия ногтем. Но я умею себя вести. Я не стану привередничать.

– Спасибо, – говорю я.

Детектив Старк откашливается и опускается на стул напротив меня. В руках у нее желтый блокнот и ручка «Бик» с изгрызенным колпачком. Я усилием воли заставляю себя не задумываться о миллиарде бактерий, которые живут на колпачке этой ручки. Она кладет блокнот и ручку на стол, потом откидывается на спинку своего стула и смотрит на меня этим своим пронзительным взглядом.

– Вас никто ни в чем не обвиняет, Молли, – говорит она. – Я хочу, чтобы вы это знали.

– Я хорошо это понимаю, – отвечаю я.

Желтый блокнот лежит криво, под углом примерно сорок семь градусов от параллели с краем стола. Прежде чем я успеваю остановить свои руки, они сами собой тянутся исправить этот беспорядок, передвинуть блокнот так, чтобы он лежал ровно. Ручка тоже лежит криво, но никакая сила в мире не заставит меня прикоснуться к ней.

Детектив Старк наблюдает за мной, склонив голову набок. Наверное, некрасиво так говорить, но она очень похожа на большую собаку, прислушивающуюся к шуму леса. В конце концов она заговаривает:

– Похоже, мистер Сноу был прав, когда сказал, что вы в шоке. Людям в состоянии шока свойственно испытывать затруднения с выражением эмоций. Мне уже доводилось такое видеть.

Детектив Старк совсем меня не знает. Судя по всему, мистер Сноу тоже практически ничего ей про меня не рассказал. Она считает мое поведение странным и думает, что я не в себе, потому что обнаружила мистера Блэка мертвым в постели. И хотя это действительно стало для меня шоком и я не в себе, сейчас я уже чувствую себя намного лучше, чем несколько часов назад, и совершенно уверена, что веду себя вполне нормально.

Но чего мне сейчас хочется по-настоящему, так это оказаться дома, налить себе нормальную чашку чая и, возможно, написать Родни сообщение о событиях дня в надежде, что он, может быть, найдет способ как-нибудь меня утешить или предложит сходить с ним на свидание. Но если этого не случится, тоже ничего страшного. Тогда я приму ванну и прочитаю какой-нибудь из романов Агаты Кристи – у бабушки их куча, и все они уже прочитаны мною не по одному разу.

Я решаю, что не стану делиться всеми этими мыслями с детективом Старк. Вместо этого я соглашаюсь с ней в той

мере, в какой способна, не кривя при этом душой.

– Детектив, – говорю я, – вы, возможно, правы относительно того, что я в шоке, и мне жаль, если вам кажется, что я не совсем в себе.

– Это совершенно объяснимо, – отвечает она, и кончики ее губ ползут вверх в улыбке – по крайней мере, я полагаю, что это улыбка. Тут я никогда не могу быть уверена до конца. – Я хотела бы расспросить вас о том, что вы увидели, когда сегодня днем вошли в номер Блэков. Вы не заметили ничего неуместного или необычного?

В каждую смену я сталкиваюсь с множеством разнообразных вещей, которые «неуместны» или «необычны» – и не только в люксе Блэков. Сегодня, к примеру, я обнаружила в одном номере на третьем этаже карниз, выдранный из креплений, в другом, на четвертом, – электроплитку с горячей водой, оставленную на виду на полке в ванной, а в третьем, рассчитанном всего на двух гостей, – шестерых очень веселых особ женского пола, которые пытались затолкать под кровать надувные матрасы. Обо всех этих – и не только – нарушениях я, руководствуясь моими должностными инструкциями, доложила мистеру Сноу.

– Твоя приверженность высоким стандартам «Ридженси гранд» не знает границ, – сказал мистер Сноу, но почему-то не улыбнулся. Его губы остались сжаты в тонкую идеально горизонтальную линию.

– Благодарю вас, – ответила я, ощущая гордость за свой

поступок.

Я обдумываю, что на самом деле хочет узнать детектив Старк и что я готова ей открыть.

– Детектив, – говорю я, – когда я вошла в номер Блэков сегодня днем, он находился в своем обычном состоянии беспорядка. Ничего из ряда вон выходящего я не заметила, за исключением таблеток на прикроватном столике.

Я сознательно выдаю эту информацию, потому что это та деталь, которую заметил бы на месте преступления даже самый тупоголовый следователь. А вот что я обсуждать не хочу, так это все остальное – халат на полу, распахнутый сейф, пропавшие деньги, маршрутную квитанцию, сумочку Жизели, которая исчезла, когда я во второй раз пришла в номер. И то, что я увидела в зеркале в спальне мистера Блэка.

Я за свою жизнь посмотрела достаточно детективных фильмов, чтобы понимать, кто, как правило, становится главным подозреваемым. Возглавляют этот список обыкновенно жены, а я ни в коем случае не хочу, чтобы Жизель в чем-то заподозрили. Она ни к чему этому не причастна, и она мой друг. Я беспокоюсь за нее.

– Мы изучаем эти таблетки, – говорит детектив Старк.

– Это таблетки Жизели, – вырывается у меня против воли.

Я не могу поверить, что ее имя вылетело у меня изо рта. Наверное, я в самом деле нахожусь в состоянии шока, потому что мой рот и мои мысли не работают в тандеме, как обычно.

– Откуда вы знаете, что это ее таблетки? – спрашивает детектив Старк, не поднимая глаз от блокнота, в котором она что-то пишет. – На флакончике не было никакой наклейки.

– Я знаю, потому что занимаюсь всеми туалетными принадлежностями Жизели. Я выстраиваю их в ряд, когда убираюсь в ванной. Мне нравится располагать их по порядку, от самых высоких до самых низких, хотя иногда я сначала выясняю, не предпочитает ли гость другой метод организации.

– Другой метод.

– Да, например, косметику отдельно, лекарства отдельно, средства женской гигиены отдельно... – Рот детектива Старк слегка приоткрывается. – Или бритвенные принадлежности отдельно, увлажняющие средства отдельно, тоники для волос отдельно. Понимаете?

Она долго молчит. Даже слишком долго. И смотрит на меня как на идиотку, хотя совершенно ясно, что это ей не под силу понять мою исключительно простую логику. Правда заключается в том, что я знаю, что это таблетки Жизели, потому что несколько раз видела, как она закидывала их в рот, когда я находилась в номере. Я даже как-то раз спросила ее про них.

– А, эти? – отозвалась она. – Они помогают мне успокоиться, когда я на нервах. Хочешь одну?

Я вежливо отказалась. Таблетки принимают, только когда что-то болит, и я прекрасно знаю, что может случиться, если ими злоупотреблять.

Детектив Старк продолжает задавать свои вопросы.

– Когда вы пришли в номер Блэков, вы сразу же направились в ванную?

– Нет, – отвечаю я. – Это было бы нарушением протокола. Сначала я сообщила о своем прибытии, думая, что в номере может кто-то находиться. И, как выясняется, я оказалась на сто процентов права в своем предположении.

Детектив Старк смотрит на меня и ничего не говорит.

Я жду. Потом замечаю вслух:

– Вы это не записали.

– Что я не записала?

– То, что я только что сказала.

Она бросает на меня непонятный взгляд, потом берет свою *plume de peste*⁸ и заносит в блокнот мои слова, после чего с размаху опускает ручку.

– И что было дальше? – спрашивает она.

– Ну, – говорю я, – когда мне никто не ответил, я заглянула в гостиную, которая была довольно неопрятной. Я хотела прибраться, но решила, что лучше сначала осмотреть весь остальной номер. Я зашла в спальню и обнаружила лежащего в постели мистера Блэка. Мне сначала показалось, что он отдыхает.

Изгрызенный колпачок ее ручки угрожающе покачивается в моем направлении, пока она записывает мои слова.

– Продолжайте, – говорит она.

⁸ Букв.: чумное перо (фр.).

Я рассказываю, как я подошла к мистеру Блэку, проверила дыхание и пульс, но не обнаружила ни того ни другого, как позвонила на ресепшен, чтобы прислали помощь. Я рассказываю ей все в подробностях – до определенного момента.

Теперь она торопливо записывает каждое слово, время от времени прерываясь, чтобы бросить на меня взгляд и одновременно сунуть в рот этот свой рассадник микробов на колпачке ручки.

– Скажите, а вы хорошо знали мистера Блэка? Вы когда-нибудь говорили с ним о чем-нибудь, кроме как об уборке его номера?

– Нет, – отвечаю я. – Мистер Блэк всегда вел себя очень надменно. Он много пил и, кажется, не испытывал ко мне совершенно никакой симпатии, так что я старалась держаться от него подальше.

– А Жизель Блэк?

Я подумала о Жизели, обо всех наших с ней разговорах, о маленьких секретиках, которыми делилась она со мной, а я с ней. Вот так и зарождается дружба – с одной маленькой откровенности за другой.

Мне вспомнился самый первый раз, много месяцев назад, когда я впервые увидела Жизель. До этого я не раз убирала номер Блэков, но с самой Жизелью никогда не сталкивалась. Это произошло утром, примерно в девять тридцать, когда я постучала в дверь и Жизель впустила меня в номер. На ней был бледно-розовый пеньюар то ли из атласа, то ли из

шелка. Ее темные волосы ниспадали на плечи каскадом безупречных волн. Она напомнила мне голливудских звезд из старых черно-белых фильмов, которые мы с бабушкой любили смотреть вместе по вечерам. И в то же самое время в ней было и что-то очень современное, как будто она была связующим звеном между двумя мирами.

Она пригласила меня войти, и я, поблагодарив ее, втащила за собой свою тележку.

– Я Жизель Блэк, – произнесла она, протягивая мне руку.

Я не знала, что делать. Большинство гостей избегает прикасаться к горничным, в особенности к нашим рукам. Они ассоциируют нас с чужой грязью – и никогда со своей собственной. Но только не Жизель. Она была не такой, она всегда была не такой. Наверное, поэтому она так мне и нравится.

Я поспешно вытерла ладони чистым полотенцем, которое схватила с тележки, и потянулась пожать ей руку.

– Очень приятно с вами познакомиться, – произнесла я.

– А вас как зовут? – спросила она.

И снова я оказалась в замешательстве. Гости редко интересуются моим именем.

– Молли, – пробормотала я и сделала книксен.

– Горничная Молли! – захохотала она. – Это жутко смешно!

– Вы правы, мадам, – отозвалась я, разглядывая носки моих туфель.

– Ой, да какая из меня мадам, – сказала она. – Меня никто никогда так не называет. Зови меня Жизелью. Прости, что тебе приходится каждый день убирать этот бардак. Мы с Чарльзом вообще порядочные неряхи. Но мне всегда очень приятно открывать дверь и обнаруживать в номере идеальный порядок после того, как ты здесь побывала. Это прямо как каждый день заново рождаться.

Мою работу заметили, признали, оценили. На мгновение я перестала быть невидимкой.

– Я к вашим услугам... Жизель, – сказала я.

Тогда она улыбнулась, и эта улыбка осветила ее кошачьи зеленые глаза.

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам, но не знала ни что дальше делать, ни что говорить. Не каждый день мне доводится разговаривать с гостями столь высокого ранга. И не каждый день гости замечают мое существование.

Я взяла свою метелочку из перьев и хотела было приняться за работу, но Жизель желала поговорить.

– Скажи, Молли, – спросила она, – а каково это – быть горничной? Каждый день убирать за людьми вроде меня?

Ни один гость никогда не спрашивал меня об этом. Как отвечать на подобные вопросы, не освещалось ни на одном из всеобъемлющих занятий по профессиональному этикету, которые устраивал для нас мистер Сноу.

– Это тяжелая работа, – сказала я. – Но мне нравится наводить в номерах идеальный порядок и исчезать, не оставляя

после себя никакого следа.

Жизель опустилась на диван и принялась крутить в пальцах прядь своих роскошных каштановых волос.

– Это звучит просто невероятно, – произнесла она. – Быть невидимкой, исчезать бесследно. У меня нет вообще никакой возможности уединиться, никакой личной жизни. Куда бы я ни пошла, в меня вечно тычут камерами. А мой муж – тиран. Я всегда думала, что выйти замуж за богатого станет решением всех моих проблем, но на деле все получилось совсем не так. Абсолютно не так.

Я стояла молча. Как полагалось правильно на такое отвечать? Я так и не успела придумать никакого ответа, потому что Жизель заговорила снова.

– В общем, Молли, скажу я тебе, моя жизнь – полный отстой.

Она поднялась с дивана, подошла к мини-бару и, вытащив оттуда маленькую бутылочку джина «Бомбей», перелила ее содержимое в стакан. Потом снова вернулась к дивану и плюхнулась на него.

– У каждого из нас есть проблемы, – сказала я.

– Правда? И какие же проблемы у тебя?

Еще один вопрос, к которому я была не готова. Мне вспомнился бабушкин совет: «Честность – лучшая политика».

– Ну, – начала я, – мужа у меня, может, и нет, но зато некоторое время был друг, и теперь у меня из-за него проблемы

с деньгами. Мой кавалер... он оказался... ну, в общем, сомнительной личностью.

– «Кавалер». «Сомнительная личность». Ты очень забавно разговариваешь, ты знаешь это? – Она сделала большой глоток из своего стакана. – Как старушка. Или как королева.

– Это из-за бабушки, – пояснила я. – Она меня вырастила. Формально она была не очень образованной – после школы так никуда дальше и не пошла учиться и всю жизнь убирала чужие дома, пока не заболела. Но она занималась самообразованием. Она была очень умная. Ее девизом было «три Э» – этикет, элоквенция и эрудиция. Она очень многому меня научила. По сути, вообще всему.

– Хм, – сказала Жизель.

– Она верила в вежливость и в то, что ко всем людям нужно относиться уважительно. Главное – это не то, чего ты достиг в жизни. Главное – это то, как ты ведешь себя с другими.

– Да. Я это понимаю. Думаю, твоя бабушка мне бы понравилась. И это она научила тебя так разговаривать? Как Элиза из «Моей прекрасной леди»?⁹

– Думаю, да, это ее заслуга.

Жизель встала с дивана, подошла ко мне вплотную и, высоко вскинув подбородок, внимательно оглядела.

– У тебя изумительная кожа. Как фарфор. Ты мне нравишься, горничная Молли. Ты слегка странная, но ты мне

⁹ «Моя прекрасная леди» – мюзикл, созданный на основе пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».

нравишься.

С этими словами она скрылась в спальне и вернулась с коричневым мужским бумажником в руке. Порывшись в нем, она вытащила новенькую купюру в сто долларов и вложила ее мне в руку.

– Нет, что вы, я не могу...

– Он даже не заметит, что она исчезла. А если и заметит, то что сделает? Убьет меня?

Я посмотрела на купюру в моей руке, хрустящую и легкую как перышко.

– Спасибо вам, – выдавила я из себя хриплым шепотом.

Таких больших чаевых мне не давали еще никогда.

– Ерунда. Тут даже говорить не о чем, – отозвалась она.

Вот так она и началась – наша с Жизелью дружба. С каждым ее приездом она становилась все крепче. За год мы очень сблизились. Иногда она просила меня выполнить какое-нибудь ее поручение, чтобы ей не пришлось иметь дело с папарацци, которые нередко поджидали ее прямо за порогом отеля.

– Ох, Молли, ну и денек у меня сегодня выдался! Дочь Чарльза назвала меня охотницей за деньгами, а его бывшая жена сказала, что у меня ужасный вкус на мужчин. Ты не сбегаешь быстренько мне за чипсами с колой? Чарльз терпеть не может, когда я ем всякую дрянь, но его сегодня не будет до вечера. Вот, держи. – Она давала мне пятидесятидолларовую купюру, а когда я возвращалась с покупками, неиз-

менно говорила одно и то же: – Ты – лучшая, Молли. Оставь сдачу себе.

Она, кажется, понимала, что я не всегда знаю, как правильно себя повести или что сказать. Однажды я пришла в свое обычное время, чтобы убрать номер, и обнаружила там мистера Блэка – он сидел за бюро у двери и просматривал какие-то бумаги, дымя своей вонючей сигарой.

– Сэр. Сейчас подходящее время для того, чтобы я вернула ваш номер в безупречное состояние? – осведомилась я в точности так, как научил меня мистер Сноу.

Мистер Блэк воззрился на меня поверх своих очков.

– А ты сама-то как думаешь? – поинтересовался он и выпустил струю дыма прямо мне в лицо, как огнедышащий дракон.

– Я думаю, что подходящее, – ответила я и включила пылесос.

Из спальни выскочила Жизель и, обняв меня за плечи, сделала мне знак выключить его.

– Молли, – сказала она, – он пытается сказать тебе, что сейчас исключительно неподходящий для этого момент. Вообще-то, он пытается сказать тебе, чтобы ты выметалась.

Это было ужасно. Я почувствовала себя полной дурой.

– Приношу свои извинения, – произнесла я.

Она схватила меня за руку.

– Ничего страшного, – сказала она негромко, чтобы не услышал мистер Блэк. – Ты же ничего плохого не хотела.

Она проводила меня до двери и одними губами произнесла: «Прости», прежде чем открыть ее, чтобы я со своей тележкой могла выйти из номера.

Жизель очень хорошая. Вместо того чтобы выставить меня душой, она помогает мне лучше понимать всякие вещи.

– Молли, ты подходишь к людям слишком близко, ты знаешь это? Лучше отойти чуточку подальше, а не лезть людям прямо в лицо, когда ты с ними разговариваешь. Представь, что между тобой и другим человеком находится твоя тележка, даже если на самом деле ее там нет.

– Вот так? – спросила я, отойдя на расстояние, которое показалось мне правильным.

– Да! Так просто отлично, – сказала она и, взяв меня за руки, сжала их. – Всегда стой на таком расстоянии, если это не я или не какой-нибудь другой близкий друг.

Другой близкий друг. Знала бы она, что, кроме нее, у меня больше никого нет.

Иногда, когда я убирала их номер, у меня возникало такое ощущение, что, несмотря на то что она была замужем за мистером Блэком, она чувствовала себя одинокой и жаждала моего общества так же сильно, как я – ее.

– Молли! – завопила она как-то раз, встретив меня у двери в шелковой пижаме, хотя было уже около полудня. – Как здорово, что ты здесь! Давай, приберись по-быстрому, а потом мы с тобой будем краситься!

Она даже в ладоши захлопала от восторга.

– Прощу прощения? – не поняла я.

– Я хочу научить тебя пользоваться косметикой. Ты ведь очень хорошенькая, Молли, ты знаешь об этом? У тебя идеальная кожа. Но в сочетании с темными волосами она кажется очень бледной. И проблема в том, что ты даже не пытаешься ничего с этим сделать. Ты должна научиться выжимать максимум из того, чем наградила тебя природа.

Я быстро навела в номере чистоту, что нелегко, если не халтурить, но я справилась. Время было к обеду, так что я сочла, что могу сделать небольшой перерыв. Жизель усадила меня перед туалетным столиком в холле перед дверью в ванную и принесла свою косметичку – я отлично знала, как она выглядит, поскольку каждый день приводила в порядок ее содержимое, надевая крышечки на флакончики и тубики, которые Жизель оставляла открытыми, и раскладывая их обратно по своим местам.

Она закатала рукава пижамы, положила свои теплые руки мне на плечи и внимательно посмотрела на меня в зеркало. Ощущения от прикосновения ее рук к моим плечам были очень приятные. Они напомнили мне о бабушке.

Жизель взяла щетку и принялась расчесывать мои волосы.

– Твои волосы, они как шелк, – сказала она. – Ты их выпрямляешь?

– Нет, – ответила я. – Но я их мою. Регулярно и тщательно. Они довольно чистые.

Жизель захихикала.

– Ну разумеется, – сказала она.

– Вы смеетесь со мной или надо мной? – уточнила я. – Вы же понимаете, это разные вещи.

– О, я понимаю, – отозвалась Жизель. – Я – объект множества шуток. Я смеюсь с тобой, Молли, – сказала она. – Я бы ни за что не стала смеяться над тобой.

– Спасибо, – поблагодарила я ее. – Я очень вам признательна. Консьержи внизу сегодня надо мной смеялись. Они придумали мне новое прозвище. Честно говоря, я не очень его понимаю.

– И как они тебя называли?

– Румба, – ответила я. – Мы с бабушкой раньше любили смотреть «Танцы со звездами», и румба – это очень быстрый парный танец.

Жизель поморщилась.

– Думаю, они имели в виду не танец, Молли. Думаю, они имели в виду «Румбу», робот-пылесос.

И тут до меня наконец дошло. Я уставилась на свои руки, лежащие на коленях, чтобы Жизель не заметила, как на моих глазах выступили слезы. Но это не сработало.

Жизель прекратила расчесывать мои волосы и снова положила руки мне на плечи.

– Молли, не слушай их. Они идиоты.

– Спасибо, – сказала я.

Я неподвижно сидела в кресле, глядя в зеркало на то, как

Жизель трудится над моим лицом. Я боялась, что кто-нибудь может войти и увидеть, как я сижу, а Жизель Блэк делает мне макияж. На профессиональных семинарах мистера Сноу ничего не говорилось о том, как вести себя с гостями, которые ставят тебя в такое положение.

– Так, а теперь закрой глаза, – скомандовала Жизель.

Она чем-то вытерла их, потом свежей губкой для макияжа нанесла на мое лицо прохладный тональный крем.

– Скажи, Молли, – спросила она, – ты ведь живешь одна, да? У тебя никого нет?

– Теперь да, – ответила я. – Моя бабушка умерла несколько месяцев назад. До этого мы жили вдвоем.

Она взяла коробочку с пудрой и кисточку и собралась припудрить мое лицо, но я остановила ее.

– Она чистая? – уточнила я. – Я имею в виду кисточку?

Жизель вздохнула:

– Да, Молли. Она чистая. Ты не единственный человек в мире, который дезинфицирует вещи, знаешь ли.

Это меня очень обрадовало, потому что подтвердило то, что я знала в глубине души. Мы с Жизелью такие разные, и все же, в сущности, мы очень похожи.

Она набрала на кисточку немного пудры и принялась водить ею по моему лицу. Ощущения были как от моей метелочки из перьев, только в миниатюре, как будто маленький воробушек кончиком крыла щекотал мои щеки.

– И как тебе живется одной? Тяжело? Господи, я бы, на-

верное, не смогла долго продержаться. Я никогда не жила самостоятельно.

Это было очень тяжело. Я по-прежнему вслух здоровалась с бабушкой каждый раз, входя в квартиру, хотя и знала, что ее там нет. Я слышала ее голос в своей голове, каждый день слышала, как она бродит по квартире. Большую часть времени я задавалась вопросом, нормально это или я немножко повредила умом.

– Это тяжело. Но со временем приспосабливаешься, – сказала я.

Жизель прекратила пудрить меня и посмотрела в глаза моему отражению в зеркале.

– Я тебе завидую, – произнесла она. – Найти в себе силы жить дальше, иметь мужество быть полностью самостоятельной и не заботиться о том, что думают другие. И иметь возможность просто пройтись по улице так, чтобы на тебя не бросались со всех сторон.

Она понятия не имела о том, какие усилия мне приходилось прикладывать, чтобы выжить. Ни малейшего представления.

– Мне не очень сладко приходится, – сказала я.

– Наверное, но, по крайней мере, ты ни от кого не зависишь. Мы с Чарльзом... Знаешь, со стороны это все выглядит очень гламурно, но иногда... иногда это не так. И его дети ненавидят меня. Они примерно моего возраста, что, соглашусь, довольно странно. А его бывшая жена подозре-

тельно ко мне добра, и это хуже всего. Позавчера она была здесь. Знаешь, что она мне сказала в ту же секунду, как только Чарльз оказался вне пределов слышимости? Она сказала: «Беги от него, пока можешь». И хуже всего то, что она права и я это знаю. Иногда я задаюсь вопросом, правильный ли выбор сделала, понимаешь?

– Вообще-то, очень хорошо понимаю, – сказала я.

В моей собственной жизни тоже был неправильный выбор – Уилбур, и не было дня, чтобы я о нем не пожалела.

Жизель взяла коробочку с тенями.

– Снова закрой глаза. – Я подчинилась, а Жизель принялась наносить на мои веки тени, продолжая говорить. – Несколько лет назад у меня была одна-единственная цель. Мне хотелось влюбиться в богатого мужчину, который позаботился бы обо мне. И я познакомилась с одной девушкой – назовем ее моей наставницей. Она объяснила мне, что к чему. Я стала ходить в правильные места, обзавелась парочкой правильных нарядов. «Ищи и обрящешь», – любила говорить она. Сама она трижды была замужем за тремя разными мужчинами и трижды развелась, отсудив у каждого мужа по половине его состояния. Невероятно, правда? Она обеспечила себе безбедную жизнь до конца своих дней. Дом в Сен-Тропе и еще один в районе Венис-Бич. Жила она одна, с горничной, личным поваром и водителем. И никто не указывал ей, что делать. Никто ею не командовал. Я бы ради такой жизни пошла даже на убийство. А кто не пошел бы?

– Мне уже можно открыть глаза? – спросила я.

– Пока нет. Но совсем скоро уже будет можно.

Она принялась водить по моим векам более тонкой кисточкой, которая казалась более прохладной и нежной.

– По крайней мере, рядом с тобой нет мужчины, который указывал бы тебе, что делать, а сам при этом вел себя как последний лицемер. Чарльз мне изменяет, – сказала она. – Ты в курсе? Стоит мне только взглянуть в сторону другого мужчины, как он устраивает мне сцену ревности, а у самого как минимум две любовницы в двух городах. И это только те, о которых мне известно. Здесь у него тоже есть одна. Когда я узнала, я чуть его не придушила. Он платит папарацци, чтобы правда о нем не стала достоянием публики. А от меня требует полного отчета, куда и зачем я иду, каждый раз, когда я переступаю порог этого номера.

Я открыла глаза и выпрямилась в своем кресле. Узнать такое про мистера Блэка стало для меня потрясением.

– Ненавижу изменников, – сказала я. – Я их презираю. Он не должен так с вами поступать. Это неправильно, Жизель.

Ее руки по-прежнему находились рядом с моим лицом. Она закатала рукава пижамы повыше локтей, и я заметила на ее запястьях синяки, а когда она наклонилась вперед и вырез пижамы слегка распахнулся, я увидела, что чуть ниже ключицы у нее тоже темнеет изжелта-багровый синяк.

– Откуда это у вас? – спросила я.

У этих синяков должно было быть какое-то абсолютно ло-

гичное объяснение.

Жизель пожала плечами:

– Ну, как я уже говорила, у нас с Чарльзом не все гладко.

В животе у меня что-то знакомо всколыхнулось, к горлу подступили горечь и гнев, тлеющие где-то у самой поверхности, – вулкан, которому я не могла позволить извергнуться. Пока не могла.

– Вы заслуживаете лучшего обращения, Жизель, – сказала я. – Вы хорошая девушка.

– Не-а, – отозвалась она. – Не такая уж я и хорошая. Я пытаюсь, но иногда... иногда очень трудно быть хорошей. Трудно поступать правильно.

Она достала из косметички кроваво-красную помаду и начала наносить ее на мои губы.

– Впрочем, в одном ты права. Я заслуживаю лучшего. Я заслуживаю прекрасного принца. И в конце концов я его получу. Я над этим работаю. Ищите и обрящете, так ведь?

Она убрала помаду и взяла с туалетного столика большие песочные часы с таймером. Я видела их там довольно часто. Я полировала их стеклянные изгибы нашатырным спиртом, а латунные основания – средством для чистки металла, чтобы блестели. Это была прекрасная вещь, классическая и изящная, которой приятно было любоваться и держать в руках.

– Видишь эти часы? – спросила она, показывая их мне. – Помнишь ту мою приятельницу, мою наставницу? Это ее по-

дарок. Когда она мне их дарила, они были пустые, и она велела мне наполнить их песком с моего любимого пляжа. Я тогда сказала ей: «Ты с ума сошла? Я никогда в жизни не была на океане. С чего я вдруг должна в обозримом будущем оказаться на пляже?» Оказалось, что она была права. За последние несколько лет я побывала на множестве пляжей. На многих из них еще даже до того, как познакомилась с Чарльзом, – на Французской Ривьере, в Полинезии, на Мальдивах, на Кайманах. На Кайманах мне нравится больше всего. Я могла бы прожить там всю жизнь. У Чарльза есть там вилла, и, когда он в последний раз привез меня туда, я насыпала в эти часы песок с тамошнего пляжа. Иногда я переворачиваю их туда-сюда и смотрю, как сыплются песчинки. Время идет, понимаешь? Надо действовать. Надо выстраивать свою жизнь так, как ты этого хочешь, пока не стало слишком поздно... Ну вот, готово! – объявила она и отступила в сторону, чтобы я могла увидеть свое отражение в зеркале.

Она встала позади меня, снова положив руки мне на плечи.

– Ну, видишь? – сказала она. – Просто немного макияжа – и вот ты уже красотка.

Я pokrутила головой из стороны в сторону. В моем отражении я с большим трудом узнала себя прежнюю. Я понимала, что каким-то образом стала выглядеть неуловимо «лучше» или, по крайней мере, больше похожей на всех остальных девушек, но в этой перемене было что-то очень оттал-

квивающее.

– Ну как, нравится? Из гадкого утенка – в лебедя, из Золушки – в принцессу на балу.

К счастью, правила этикета на такой случай мне были известны. Когда кто-то говорит тебе комплимент, за него полагается поблагодарить. И когда для тебя делают доброе дело – пусть даже ты о нем не просил – тоже.

– Я очень признательна вам за вашу доброту, – сказала я.

– Пожалуйста, – ответила Жизель. – Вот, возьми, – сказала она, беря со столика песочные часы. – Это подарок. От меня тебе, Молли.

Она вложила часы мне в руки. Это был первый подарок, который я получила после смерти бабушки. И я даже не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то, кроме бабушки, что-то мне дарил.

– Они очень мне нравятся, – сказала я.

И это была правда. Для меня это было что-то неизмеримо более ценное, чем любой макияж. Я не могла поверить, что эта прекрасная вещь теперь моя, что я отныне и впредь могу любоваться ею и натирать до блеска, когда захочу. В этих часах был заключен песок из далекого экзотического места, которое я никогда не увижу. И это был великодушный дар от друга.

– Я буду хранить их здесь, в моем шкафчике, на тот случай, если вы захотите забрать их обратно, – сказала я. Но правда заключалась в том, что, как бы сильно мне ни нрави-

лись эти часы, я не могла принести их домой. Я хотела, чтобы там были только бабушкины вещи. – Правда, Жизель, они очень мне нравятся. Я буду любоваться ими каждый день.

– Кого ты пытаешься обмануть? Ты и так любишь ими каждый день.

Я улыбнулась.

– Да, пожалуй, вы правы. Могу я дать вам один совет? – Она положила руку на бедро, глядя, как я привожу в порядок ее косметичку и протираю туалетный столик. – Возможно, вам стоит подумать о том, чтобы уйти от мистера Блэка. Он вас обижает. Без него вам будет лучше.

– Все совсем не так просто, – ответила Жизель. – Но время на моей стороне, мисс Молли. Время лечит любые раны, так говорят.

Она была права. По мере того, как проходит время, ты обнаруживаешь, что твоя рана болит уже не так сильно, как раньше, и это всегда оказывается для тебя неожиданностью – тебе становится немного легче, и в то же самое время ты все равно тоскуешь по прошлому.

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как я спохватилась, что совершенно утратила счет времени. Я проверила свой телефон – 1:03. Мой обеденный перерыв закончился несколько минут назад!

– Мне нужно идти, Жизель. Моя начальница, Шерил, будет очень недовольна моей нерасторопностью.

– О, эта... Вчера она тут что-то вынюхивала. Вошла и

спросила, довольны ли мы уборкой. Я ей ответила: «У меня самая лучшая в мире горничная. С чего бы мне быть недовольной?» А она сделала морду кирпичом и говорит: «Давайте лучше я буду у вас убирать. Молли мне даже в подметки не годится. Я ее начальница». А я ей такая: «Не-а». Вытащила из кошелька десятку и дала ей. «Мне не нужен никто другой, кроме Молли, спасибо большое», – говорю. Тогда она ушла. Та еще штучка, конечно. Вот же сучья натура, а? И еще большой вопрос, не оскорбительно ли для сук такое сравнение, если ты понимаешь, о чем я.

Бабушка учила меня не употреблять бранные слова, и я редко это делаю. Но в данном случае выражение, которое использовала Жизель, было более чем уместным. Я против воли заулыбалась.

– Молли? Молли?

Это была детектив Старк.

– Прошу прощения, – произнесла я. – Вы не могли бы повторить ваш вопрос?

– Я спросила, хорошо ли вы знали Жизель Блэк. Доводилось ли вам общаться с ней? Вступать в разговор? Она никогда не говорила вам про мистера Блэка ничего, что показалось вам странным? Не упоминала ничего такого, что могло бы помочь нашему расследованию?

– Расследованию?

– Как я уже упоминала, мистер Блэк, вероятнее всего, скончался от естественных причин, но я обязана исключить

другие возможные варианты. Поэтому я и разговариваю сегодня с вами. – Детектив утирает лоб ладонью. – Так что повторю свой вопрос: Жизель Блэк когда-нибудь заговорила с вами какие-нибудь разговоры?

– Детектив, – говорю я, – я горничная в отеле. Кому может прийти в голову завести со мной разговор?

Она обдумывает мои слова, потом кивает. Мой ответ полностью ее удовлетворил.

– Спасибо, Молли, – говорит она. – Я знаю, у вас сегодня выдался нелегкий день. Позвольте мне отвезти вас домой.

И она меня отвезла.

Глава 5

Повернув ключ, я открываю дверь в свою квартиру. Я переступаю через порог и закрываю за собой дверь, задвигаю засов. Дом, милый дом.

Я смотрю на подушку, лежащую на старинном бабушкином кресле у двери. Она вышила на ней гарусом молитву о безмятежности: «Господи, даруй мне безмятежность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого».

Я вытаскиваю из кармана брюк телефон и кладу его на кресло. Потом расшнуровываю ботинки и протираю подошвы влажной тряпочкой, прежде чем убрать их в шкаф.

– Бабушка, я дома! – кричу я.

Ее нет уже девять месяцев, но не поздороваться с ней, приходя домой, до сих пор кажется мне неправильным. В особенности сегодня.

С тех пор как ее не стало, мои вечера проходят совсем не так, как раньше. Когда она была жива, мы проводили все наше свободное время вместе. По вечерам первое, что мы делали, – это выполняли дневную уборку. Потом в четыре руки готовили ужин: спагетти по средам, рыбу по пятницам, если удавалось купить филе с хорошей скидкой. Потом устраивались рядышком на диване и, включив очередную серию «Коломбо», ели свой ужин.

Бабушка любила «Коломбо», и я тоже люблю. Она нередко отпускала замечания в том духе, что Питеру Фальку не помешало бы иметь рядом такую женщину, как она, которая заботилась бы о нем. «Ты посмотри только на его плащ. Он крайне нуждается в стирке и утюге». Она качала головой и обращалась к Коломбо через экран так, как будто он стоял прямо перед ней: «Зря ты куришь сигары, мой дорогой. Это дурная привычка».

Но, несмотря на его скверную привычку, мы обе восхищались той легкостью, с какой Коломбо разоблачал коварные замыслы злодеев и добивался, чтобы они получили по заслугам.

Теперь я больше не смотрю «Коломбо». Это еще одна вещь, которая после смерти бабушки стала казаться какой-то не такой. Но я пытаюсь выполнять наши привычные ежевечерние хозяйственные ритуалы.

Понедельник – день мытья полов и выметания пыли из всех углов.

По вторникам протираем косяки и подоконники.

В среду моем ванную с туалетом.

В четверг кухню драим.

В пятницу гладим и стираем.

Субботу отводим непредвиденным заботам.

В воскресенье – магазины и покупки.

Бабушка с самого детства внушала мне, как важно поддерживать дома чистоту и порядок.

«Чистый дом, чистое тело и чистая компания. Ты знаешь, к чему это ведет?»

Когда она начала учить меня этому, мне не могло быть больше пяти лет. Я вскинула на нее глаза:

– К чему это ведет, бабушка?

– К чистому сознанию. К хорошей и чистой жизни.

У меня ушли годы на то, чтобы до конца понять эти ее слова, но сейчас меня до глубины души поражает, как же она была права.

Я вытаскиваю из кухонного шкафа с хозяйственными принадлежностями веник, совок, швабру и ведро и принимаюсь тщательно подметать пол, начав с угла моей спальни. Большую часть комнаты занимает моя двуспальная кровать, так что свободной остается совсем небольшая часть пола, но грязь имеет обыкновение прятаться под вещами и скапливаться в трещинках. Я поднимаю подзор и прохожусь под кроватью веником, выметая всю пыль на свет и прочь из комнаты. На каждой стене висят бабушкины картины, на которых изображены сельские английские пейзажи, и каждая из них напоминает мне о ней.

Да уж, ну и денек у меня сегодня выдался. Ну и денек. Я предпочла бы забыть его, а не помнить, но это так не работает. Мы задвигаем плохие воспоминания в самые дальние углы нашей памяти, но они все равно не уходят. Они всегда с нами.

Я продолжаю подметать в коридоре, потом перемещаюсь

оттуда в ванную с ее старыми растрескавшимися черно-белыми кафельными плитками на полу, которые тем не менее ярко блестят, если их хорошенько натереть, — я проделываю эту операцию дважды в неделю. Я выметаю из ванной несколько собственных волосинок и выхожу обратно в коридор.

Теперь я стою прямо перед дверью бабушкиной спальни. Она закрыта. Я медлю. Мне не хочется туда заходить. Я не переступала порога ее комнаты уже несколько месяцев. И сегодня тоже не стану.

Я подметаю паркет в гостиной, начиная с самого дальнего угла, прохожусь веником вокруг антикварного бабушкиного шкафчика, под диваном и в кухонном закутке и снова оказываюсь у входной двери. Я оставила позади микроскопические кучки мусора — одну перед дверью в мою спальню, другую перед входом в ванную, третью здесь, у входной двери, и еще одну в кухне. Я заметаю каждую кучку по очереди в совок, потом внимательно разглядываю его содержимое. За неделю мусора набралось всего ничего — несколько крошек, чуть-чуть пыли и ворсинок с одежды, несколько прядок моих темных волос. Ничего бабушкиного там нет. Совсем ничего.

Я выбрасываю мусор в помойное ведро на кухне. Затем я наполняю другое ведро теплой водой и добавляю в нее капельку этого милого «Мистера Клина» с ароматом «лунного бриза» (бабушкин любимый!). Несу ведро и швабру в мою спальню и начинаю мыть пол с дальнего угла, очень аккурат-

но, чтобы ни в коем случае не замочить подзор кровати, а самое главное – стеганое покрывало с одинокой звездой, которое бабушка сшила мне много лет назад. Оно уже выцвело от старости, но все равно остается для меня сокровищем.

Я обхожу всю квартиру по второму кругу и вновь оказываюсь у входа, когда на глаза мне попадается въевшийся черный след на полу у двери. Должно быть, его оставили черные подошвы моих рабочих туфель. Я тру, тру и тру.

– Оттирайся, проклятое пятно, – бормочу я вслух, и в конце концов оно исчезает, а под ним обнаруживается блестящий паркет.

Забавно, как каждый раз, стоит мне взяться за уборку, в моей памяти всплывают воспоминания. Интересно, это у всех так – я имею в виду, у всех, кто делает уборку? И хотя день у меня сегодня выдался более чем богатый на события, я думаю не о сегодняшнем дне, не о мистере Блэке и всем этом безобразии, а об одном давнем дне, когда мне было примерно одиннадцать лет. Я расспрашивала бабушку о моей маме – время от времени на меня находило такое желание. Что за человек она была? Куда она исчезла и почему? Я знала, что она сбежала с моим отцом, человеком, про которого бабушка говорила, что он был непутевый и что у него был ветер в голове.

– Ветер? – удивилась я. – Но как он залетел к нему в голову?

Бабушка засмеялась.

– Ты смеешься со мной или надо мной?

– С тобой, моя дорогая девочка. Всегда только с тобой.

Дальше она сказала, что для нее не стало неожиданно-стью, когда моя мама связалась с непутевым парнем, потому что она сама тоже в молодости наделала немало ошибок. Собственно, так у нее и появилась моя мама.

Тогда все это приводило меня в замешательство. Я понятия не имела, что обо всем этом думать. Сейчас же ситуация выглядит яснее. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю. А чем больше я понимаю, тем больше у меня возникает вопросов – вопросов, на которые бабушка уже никогда не сможет мне ответить.

– А она когда-нибудь к нам вернется? – спросила я тогда. – Моя мама?

Протяжный вздох.

– Это будет нелегко. Она должна сбежать от него. И она должна захотеть от него сбежать.

Но она не захотела. И так и не вернулась. Но я спокойно к этому отношусь. Нет никакого смысла горевать по человеку, которого ты никогда не знал. И без того тяжело горевать по человеку, которого ты знал, которого ты никогда больше не увидишь и которого тебе ужасно не хватает.

Бабушка много работала и хорошо заботилась обо мне. Она всему меня учила. Она обнимала меня, нянчилась со мной и делала мою жизнь стоящей того, чтобы жить. Бабушка тоже была горничной, но домашней. Она работала на бо-

гую семью, на Колдуэллов. От нашей квартиры до их особняка было полчаса ходьбы. Они хвалили ее работу, но, сколько бы она ни делала, им этого всегда было недостаточно.

– А вы не могли бы прибраться после приема, который мы устраиваем в субботу вечером?

– А вы не могли бы вывести это пятно с ковра?

– А садом вы, случайно, не занимаетесь?

Бабушка, добрая душа, никогда им не отказывала, как бы тяжело ей ни было. За многие годы такой работы ей удалось скопить солидную сумму на черный день. Она называла ее «Фаберже».

– Моя милая девочка, ты не могла бы сбежать в банк и пополнить «Фаберже»?

– Конечно, бабушка, – говорила я и, взяв ее банковскую карточку, спускалась на пять лестничных пролетов вниз, выходила из дома и шла к банкомату, который находился в двух кварталах от нас.

Когда я стала старше, я начала волноваться за бабушку, волноваться, что она надорвется, если будет так много работать. Но она отмахивалась от меня.

– У дьявола всегда для праздных рук найдется дело. И потом, когда-нибудь ты останешься одна, и, когда этот день наступит, «Фаберже» станет для тебя хорошим подспорьем.

Я не хотела думать об этом дне. Мне было очень сложно представить себе жизнь без бабушки, в особенности потому, что школа была для меня изощренной пыткой. Всю началь-

ную и среднюю школу мне было очень трудно и одиноко. Я гордилась своими хорошими оценками, но мои сверстники никогда не были мне товарищами. Они никогда не понимали меня и редко понимают теперь. Когда я была младше, это задевало меня за живое больше, чем сейчас.

– Меня никто не любит, – жаловалась я бабушке, когда меня дразнили в школе.

– Это потому, что ты не такая, как они, – объясняла она.

– Они называют меня ненормальной.

– Ты не ненормальная. Ты просто родилась уже взрослой. Этим надо гордиться.

Когда я заканчивала школу, мы с бабушкой много говорили о профессиях, о том, чем я хотела бы заниматься во взрослой жизни. Я видела себя только на одном поприще.

– Я хочу быть горничной, – заявила я.

– Дорогая моя девочка, с «Фаберже» ты можешь поставить себе несколько более амбициозную цель.

Но я упорно стояла на своем, и, думаю, в глубине души бабушка лучше, чем кто-либо, знала меня. Она знала мои способности и мои сильные стороны, равно как и прекрасно видела слабые, хотя она утверждала, что я становлюсь лучше: «Чем дольше живешь, тем большему учишься».

– Если ты твердо решила стать горничной, что ж, так тому и быть, – сказала бабушка. – Но в муниципальный колледж берут только тех, у кого уже есть опыт работы.

Бабушка спрашивала у знакомых и через одного из них,

который служил швейцаром в «Ридженси гранд», узнала о том, что им в отель требуется горничная. Перед собеседованием я так нервничала, что прямо-таки чувствовала, как из-под мышек у меня течет пот, когда мы остановились перед парадным входом в отель с его внушительной лестницей, обитой красным ковром, и черным с золотом навесом над вращающейся стеклянной дверью.

– Я не могу туда войти, бабушка. Этот отель слишком роскошный для меня.

– Вздор. Ты достойна войти в эти двери ничуть не меньше, чем кто-либо еще. И ты войдешь. Ну, давай же.

Она подтолкнула меня вперед. Мистер Престон, тот самый ее знакомый швейцар, поприветствовал меня.

– Очень приятно с вами познакомиться, – произнес он, слегка поклонившись и приподняв свою фуражку. Потом посмотрел на бабушку со странным выражением, которое я не смогла расшифровать. – Давненько мы не встречались, Флора, – сказал он. – Рад тебя видеть.

– Я тоже рада, – отозвалась бабушка.

– Пожалуй, лучше будет, если я провожу тебя, Молли, – сказал мистер Престон.

Он провел меня сквозь искрящуюся вращающуюся дверь, и я впервые вступила в роскошное лобби «Ридженси гранд». Оно оказалось настолько прекрасным, настолько величественным, что я едва не лишилась чувств от этого зрелища – мраморных полов и лестниц, сверкающих золотом пе-

рил, элегантных служащих за стойкой регистрации, в своей униформе похожих на маленьких аккуратных пингвинчиков, обслуживающих нарядных гостей, которые расхаживали по величественному лобби.

Мы свернули направо, затем налево, затем опять направо, проходя мимо одного кабинета за другим, пока наконец не остановились перед строгой черной дверью с латунной табличкой, на которой значилось: «Мистер Сноу, управляющий отелем „Ридженси гранд“». Мистер Престон два раза постучал, затем широко распахнул дверь. К моему полному изумлению, я очутилась в темной кожаной пещере, оклеенной горчичного цвета парчовыми обоями и заставленной высокими, от пола до потолка, книжными шкафами. Я могла без труда представить, что нахожусь в доме 221Б по Бейкер-стрит, в кабинете самого Шерлока Холмса.

За великанским столом красного дерева сидел малюсенький мистер Сноу. При виде нас он поднялся, чтобы поприветствовать меня. Когда мистер Престон тактично удалился из кабинета, оставив нас наедине, признаюсь, что, хотя ладони у меня были влажными от пота, а сердце готово было выскочить из груди, я чувствовала себя настолько очарованной «Ридженси гранд», что была полна решимости во что бы то ни стало добиться заветной должности горничной.

По правде говоря, само собеседование практически не отложилось у меня в памяти, за исключением пространной речи мистера Сноу о манерах и правилах, этикете и благопри-

стойности, которая прозвучала в моих ушах не просто сладостной музыкой, а божественным гимном. После нашего разговора он повел меня по священным коридорам – налево, направо, налево, – пока мы снова не оказались в лобби и не начали спускаться по крутой мраморной лестнице, которая вела в подвал отеля, где, как он сообщил мне, находились подсобные помещения, прачечная и кухня. В тесном и душном чулане, совмещенном с офисом, где пахло тиной, плесенью и крахмалом, меня представили старшей горничной, мисс Шерил Грин. Она оглядела меня с ног до головы, потом сказала:

– Сойдет.

На следующий же день я начала обучение и вскоре уже работала на полную ставку. Работать оказалось куда лучше, чем ходить в школу. На работе меня если и дразнили, то, по крайней мере, настолько завуалированно, что можно было это игнорировать. Делай свое дело, и они отстанут. А самое потрясающее в работе было то, что за нее платили деньги.

– Бабушка! – провозгласила я, вернувшись домой после того, как сделала свой первый вклад в «Фаберже».

Я протянула ей квитанцию, и она улыбнулась от уха до уха.

– Никогда не думала, что доживу до этого дня. Ты – моя отрада. Ты это знаешь?

Бабушка притянула меня к себе и крепко обняла. С бабушкиными объятиями не сравнится ничто в мире. Навер-

ное, это то, по чему после ее смерти я скучаю больше всего. По ним и по ее голосу.

– Бабушка, тебе что-то попало в глаз? – спросила я ее, когда она отстранилась.

– Нет-нет, со мной все в полном порядке.

Чем больше я работала в «Ридженси гранд», тем больше вкладывала в «Фаберже». Мы с бабушкой начали обсуждать возможные варианты дальнейшего образования для меня. Я сходилa в местный муниципальный колледж на день открытых дверей, посвященный курсу гостиничного дела. Это было очень интересно. Бабушка посоветовала мне подать заявление, и, к удивлению моему, меня приняли. В колледже я бы научилась не только убирать и обслуживать весь отель, но и управлять сотрудниками, как это делал мистер Сноу.

Однако прямо перед тем, как должны были начаться занятия, я пошла на вводную лекцию, и вот там-то я и встретила Уилбура. Уилбура Брауна. Он стоял перед одним из столов с учебной литературой и читал какую-то брошюрку. Там можно было бесплатно взять блокнот и ручку. Он схватил сразу несколько и сунул их себе в рюкзак. Он преграждал подход к столу, а мне очень хотелось пролистать брошюры.

– Прошу прощения, – сказала я. – Можно мне подойти к столу?

Он обернулся. Он был плотный и коренастый, в очках с очень толстыми стеклами, а его черные волосы выглядели жесткими.

– Прошу прощения, – произнес он. – Я не заметил, что я вам мешаю. – Он устремил на меня взгляд своих немигающих глаз. – Я Уилбур. Уилбур Браун. Осенью я иду на курс бухгалтерского учета. Вы тоже идете осенью на курс бухгалтерского учета?

Он протянул мне руку. Я дала ему свою, и он тряс и тряс ее, пока я не вынуждена была выдернуть ладонь, чтобы прекратить эту тряску.

– Я собираюсь заняться гостиничным менеджментом, – сказала я.

– Мне нравятся умные девушки. А вам какие парни нравятся? Которые секут в математике?

Я никогда не задумывалась о том, какие «парни» мне нравятся. Я знала, что мне нравится Родни с работы. У него было качество, которое по телевизору как-то раз назвали апломбом. Как пломба. У Уилбура апломба не было, зато было кое-что другое: он был открытым, прямым, понятным. Я не боялась его так, как боялась почти всех других мальчиков и мужчин. А, наверное, стоило.

Мы с Уилбуром начали встречаться – к огромной радости бабушки.

– Я так счастлива, что ты нашла себе кого-то. Это просто прекрасно.

Я приходила домой и рассказывала ей все про него, как мы с ним вместе ходили в магазин и там воспользовались купонами на скидку, или как мы гуляли в парке и насчитали

1203 шага от статуи до фонтана. Бабушка никогда не задавала вопросов о более личных аспектах нашего романа, за что я ей очень благодарна, поскольку не уверена, что нашла бы нужные слова, чтобы объяснить ей, какие эмоции испытываю относительно физических отношений, за исключением того, что, несмотря на их новизну и непривычность для меня, все это было довольно приятно.

Однажды бабушка попросила меня позвать Уилбура в гости, и я выполнила ее просьбу. Если он ее и разочаровал, она хорошо это скрыла.

– Можешь приводить своего кавалера сюда, когда захочешь, – сказала она.

Уилбур начал регулярно приходить к нам ужинать, а после ужина оставался смотреть «Коломбо». Ни мне, ни бабушке не доставляли удовольствия его нескончаемые вопросы и комментарии, но мы переносили их стоически.

– Что это за детектив такой, если с самого начала понятно, кто убийца? – вопрошал он. Или: – Неужели вы не догадались, что это был дворецкий?

Своей нескончаемой болтовней он портил нам все впечатление от просмотра, к тому же нередко угадывал преступника неправильно, хотя, по правде говоря, мы с бабушкой видели каждую серию не по одному разу, так что на самом деле это не имело никакого значения.

Однажды мы с Уилбуром вместе пошли в канцелярский магазин, чтобы купить ему новый калькулятор. В тот день он

был довольно раздражительным, но меня это не навело ни на какие мысли, даже когда он велел мне «быстрее шевелить ногами», потому что я не поспевала за его походкой. В магазине он перебрал несколько калькуляторов и по очереди испробовал их все в действии, объясняя мне назначение каждой кнопки. Затем, выбрав из них тот, который понравился ему больше других, он сунул его в свой рюкзак.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Ты закроешь свой чертов рот? – ответил он.

Не знаю даже, что шокировало меня больше – его грубость или тот факт, что он вышел из магазина, не заплатив за калькулятор. Он попросту украл его.

Но это еще не все. Как-то раз он зашел к нам на ужин в день моей зарплаты. К тому моменту бабушка уже плохо себя чувствовала. Она сильно похудела и была гораздо молчаливей обычного.

– Бабушка, я сбегаю в банк, положу деньги в «Фаберже».

– Я схожу с тобой, – предложил Уилбур.

– Какой джентльмен твой молодой человек, Молли, – отозвалась бабушка. – Ну, раз так, бегите.

У банкомата Уилбур принялся задавать мне самые разнообразные вопросы про отель и про то, каково это – убирать номера. Я была более чем счастлива рассказать ему про то, какое это невыразимое удовольствие – застилать кровать хрустящим свежееглаженным бельем и про то, как начищенная до блеска латунная дверная ручка в солнечных лучах

превращает весь мир в золото. Я была так поглощена своим рассказом, что даже не заметила, что он внимательно наблюдает за тем, как я набираю на клавиатуре банкомата бабушкин пин-код.

В тот вечер он внезапно ушел раньше обычного, прямо перед «Коломбо». Я несколько дней подряд писала ему, но он мне не отвечал. Я звонила и оставляла ему голосовые сообщения, но он не брал трубку и не перезванивал. Забавно, но мне никогда не приходило в голову, что я не знаю, где он живет, и не только никогда не была у него дома, но даже не знала его адреса. Он всегда придумывал какие-нибудь отговорки, почему лучше будет пойти к нам, – к примеру, потому, что он всегда рад увидеть бабушку.

Примерно неделю спустя я пошла снять деньги на оплату квартиры. Моя банковская карточка куда-то запропастилась, что было очень странно, поэтому мне пришлось взять бабушкину. Я подошла к банкомату, и вот тогда-то обнаружилось, что наш «Фаберже» пуст. Полностью опустошен. И тогда я поняла, что Уилбур не просто вор, но еще и мошенник. Ходячая иллюстрация определения «человек с гнильцой», хуже которого и придумать нельзя.

Мне было ужасно стыдно, что меня одурачили, что я влюбилась в мошенника. Мне было стыдно до глубины души. Сначала я хотела позвонить в полицию, может, они смогли бы поймать его, но потом поняла, что тогда придется рассказать обо всем бабушке, а я попросту не могла этого сделать.

Я не могла разбить ей сердце. Одного разбитого сердца было более чем достаточно.

– Что-то твоего кавалера уже давно не видно, – заметила бабушка через несколько дней после того, как он исчез.

– Ну, в общем, – сказала я, – похоже, он решил идти своим путем.

Я не люблю врать, но это была не ложь, а скорее правда, которая остается правдой, если не углубляться в подробности. А бабушка расспрашивать меня о подробностях не стала.

– Очень жаль, – сказала она. – Но не переживай, милая. Он не единственный мужчина на белом свете.

– Оно и к лучшему, – сказала я, и, думаю, она была удивлена, что я не так уж и сильно расстроена.

Но правда заключалась в том, что я была расстроена. Я была в ярости, но училась скрывать свои чувства. Мне удалось загнать мою ярость глубоко внутрь, где бабушка не могла ее увидеть. У нее и так хватало огорчений, а мне хотелось, чтобы бабушка сосредоточила все свои силы на выздоровлении.

Втайне я воображала, как выслеживаю Уилбура самостоятельно. В своих фантазиях я рисовала себе, как столкнулась с ним в кампусе колледжа и удавила его лямками его рюкзака. Я воображала, как заливаю хлорку в его мерзкий рот, чтобы заставить его признаться в том, что он сделал, – перед бабушкой и передо мной.

На следующий день после того, как Уилбур ограбил нас, бабушка ходила к доктору. До этого она уже несколько раз была у него, но, возвращаясь домой, ничего нового не говорила.

— Есть уже какие-нибудь результаты, бабушка? Они определили, почему ты плохо себя чувствуешь?

— Пока нет. Может, твоя старая бабка вообще все это себе напридумывала.

Я была рада это слышать, потому что надуманное заболевание пугает куда меньше, чем настоящее. И тем не менее в глубине души меня терзали дурные предчувствия. Кожа у нее стала как пергаментная бумага, и она практически ничего не ела.

— Молли, я знаю, что сегодня вторник и по плану у нас глубокая чистка, но, может, давай лучше перенесем это на какой-нибудь другой день?

За всю мою жизнь она впервые попросила отложить уборку.

— Не переживай, бабушка. Ты отдохни, а я все сама сделаю.

— Милая моя девочка, что бы я без тебя делала?

Я не сказала этого вслух, но уже начинала задумываться о том, что буду делать я сама, если когда-нибудь останусь без бабушки.

Несколько дней спустя бабушка в очередной раз пошла к доктору. Когда она вернулась, что-то было не так. Я увидела

это по ее лицу. Она была какая-то опухшая и напряженная.

— Кажется, я все-таки в самом деле немного нездорова, — сказала она.

— Что у тебя болит? — спросила я.

— Поджелудочная железа, — ответила она спокойно, не отводя взгляда.

— Тебе дали лекарство?

— Да, — сказала она. — Дали. К сожалению, эта болезнь вызывает боли, так что доктор их лечит.

Она не упоминала раньше о том, что у нее что-то болит, но, наверное, я догадывалась. Это было видно по тому, как она двигалась, с каким трудом опускалась по вечерам на диван, как морщилась, вставая.

— Как называется эта болезнь? — спросила я.

Она ничего мне не ответила.

— Я пойду прилягу, если ты не возражаешь, — сказала она. — День выдался долгий.

— Я приготовлю тебе чай, бабушка, — сказала я.

— Прелестно. Спасибо.

Неделя шла за неделей, и бабушка становилась все более тихой. Готовя завтрак, она больше не напевала. И с работы возвращалась рано. Она быстро худела и с каждым днем принимала все больше и больше лекарств.

Я устроила расследование.

— Бабушка, — спросила я, — чем ты болеешь? Ты так мне и не сказала.

Мы в тот момент находились в кухне, прибирались после ужина.

– Моя дорогая девочка, – сказала она. – Давай присядем.

Мы заняли свои места за нашим обеденным гарнитуром на двоих в деревенском стиле, который много лет назад подобрали на помойке у дома.

Я ждала, когда она заговорит.

– Я хотела дать тебе время. Время свыкнуться с этой мыслью.

– Свыкнуться с какой мыслью? – не поняла я.

– Молли, милая. Я серьезно больна.

– Правда?

– Да. У меня рак поджелудочной железы.

В одно мгновение все кусочки головоломки встали на свои места и из мрачных теней выступила целостная картина. Это объясняло потерю веса и отсутствие сил. От бабушки осталась только половина, поэтому ей необходима была качественная и квалифицированная медицинская помощь, чтобы она могла победить свою болезнь и полностью выздороветь.

– Когда твое лекарство начнет действовать? – спросила я. – Может, тебе пойти к другому доктору?

Но по мере того, как она рассказывала подробности, до меня стала доходить правда. Паллиатив. Такое оперное слово, так приятно произносить. И так трудно об этом думать.

– Этого не может быть, бабушка, – настаивала я. – Ты по-

правишься. Мы просто должны найти выход из этой ситуации.

– Ох, Молли. Не из любой ситуации можно найти выход. У меня была такая хорошая жизнь, правда, была. И ни о чем не жалею, кроме того, что меня не будет рядом с тобой.

– Нет, – сказала я. – Это неприемлемо.

Бабушка посмотрела на меня с выражением, которое я не смогла расшифровать, потом взяла мою руку в свои. Кожа у нее была мягкая-мягкая и тонкая, как папиросная бумага, но ее рука была теплой – до самого конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.